

Ерослава А

ОБЛОМ
ДЛЯ ВЛАСТНОГО
или Я ТВОЙ

Зайчик

Ярослава А

Облом для властного, или Я твой Зайчик

<https://litres.ru/74215532>

Аннотация

После развода твоя жизнь стала унылой и одинокой? Постылые объятия случайных любовниц дарят лишь одно разочарование и смертельную скуку? Выше нос! Совсем скоро твоя жизнь перевернется на все сто восемьдесят градусов. Тебе на голову свалится персональное счастье – белоснежная зайка с огромными... э-э-э... глазами. Ну что? Ты уже готов влюбиться? Отлично! А теперь, мужик, пускай слюни и крепись! Потому что не все зайки любят капусту. Это я тебе как автор говорю.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	26
Глава 3	51
Глава 4	66
Глава 5	88
Конец ознакомительного фрагмента.	96

Глава 1

Зайка.

Шум большого города. Сверкающие витрины дорогих магазинов. Расфуфыренные силиконовые губы знойных красоток, и я – уставшая, растрепанная, в мятой футболке.

Иду мимо зеркальной витрины и чуть притормаживаю, бросая на себя мимолетный взгляд. Отражение в очередной раз «порадовало» жестокой правдой: я все же снова поправилась. Если эластичные джинсы можно было еще обмануть моей чуть раздобревшей попой, то футболка стала опасно трещать на груди.

Так, нужно с этим срочно что-то делать, то такими темпами скоро ни в одну одежду не влезу. Иногда я сама себе удивляюсь. Как?! Вот как, при моем ритме жизни, можно вообще поправляться?

Ответ лежал в сумке: пять молочных шоколадок.

Особо нервным не пугаться: это все не мне. Ну, почти все...

Чтобы придать себе чуть больше уверенности, взбиваю рукой пышные светлые волосы. Они – предмет моей гордости и всеобщей зависти. Да, я натуральная блондинка. И вопреки обыкновению у меня не торчат три блеклые волосинки, а по спине струится роскошная золотая грива, которая, если кто-то так и не посетит салон, скоро отрастет ниже по-

пы.

Красиво? Не спору. Но жуть как неудобно. Особенно, когда каждое твое утро – это непроходимый многоуровневый квест.

Ловлю в зеркале заинтересованный мужской взгляд и спешу к эскалатору.

Мой почти бывший муж сегодня оригинален: назначил встречу в кафе. Не сказать, что я сильно рада сему факту, но где-то глубоко в душе мне стало приятно, и всколыхнулись былые воспоминания. Ведь еще совсем недавно – всего каких-то четыре года назад – мы с ним обедали в этом самом кафе, но вовсе не для того, чтобы обсудить наш развод.

Пока поднималась на третий этаж, заметила, что тот заинтересованный мужик идет следом. Обернулась и пригляделась.

Ну, ничего так. Высок, в меру упитан, мускулист. В любое другое время я бы непременно воспользовалась случаем, но... Взгляд на часы. Времени в обрез. Да и сомневаюсь, что после встречи с Егором буду в нужном расположении духа.

Так что извини, мужик, сегодня не твой день. Пора включить режим ускоренного старта.

– Девушка?!

Хотела убежать? Ага, сейчас! Видно, сильно мужика зацепило то, что колыхалось под обтягивающей футболкой. Он в три прыжка догнал меня и, включив обаяние истинного самца, чарующе протянул:

– Красавица, я был сражен в самое сердце. Могу я узнать ваше имя?

Присмотрелась – хорош. Очень жаль, что сегодня у меня совсем нет времени.

– Алена, – сладко пропела я, посылая в ответ одну из своих самых соблазнительных улыбок, – И я, – выставила палец с обручальным кольцом, – замужем.

Улыбка мачо слегка потускнела, но сдаваться он явно не собирался.

– Так я не претендую. Просто хотел пригласить вас на чашечку кофе.

Я растянула губы в предвкушающей усмешке и стала демонстративно загибать пальцы перед носом незнакомца:

– Один, два, три, четыре. Меня дома ждут четверо детей.

Глаза у альфа-самца сначала блеснули изумлением, затем недоверием, а после и вовсе самым настоящим шоком.

О, да-а-а! Обожаю эту реакцию!

– Нет, но если вы хотите, могу пригласить вас к себе на кофе, – елеинно произнесла я и невинно захлопала глазками.

Мужик посмотрел на меня, как на больную, и, бормоча какие-то сбивчивые объяснения, скрылся в неизвестном направлении.

– Эй! Подожди! А как же кофе? – крикнула я вдогонку мужчине, но он только прибавил скорости.

С легкой усмешкой проводила моего несостоявшегося любовника. Как-то быстро он сдулся. Я ведь ему еще не успе-

ла рассказать о трех кошках, попугае и пяти хомяках.

Маленький эпизод слегка приподнял мне настроение, и в кафе с монументальным названием «Айсберг» я всплыла белой лебедушкой – естественно, с поправкой на габариты.

Супруг тот, который почти бывший, отыскался в самом конце зала вольготно разместившимся на казенном кожаном диване. Не поднимая своей темноволосой головы, он с аппетитом уплетал куриные крылышки. Рядом стояла огромная бадья (язык просто не поворачивался назвать это кружкой) с пивом. Егор время от времени отвлекался от поедания жирных и ароматных крыльев и потягивал светлое пиво. И так это соблазнительно выглядело, что мой желудок дернулся и потянулся всеми фибрами своей обжорской душонки на дивный запах, напоминая, что сегодня его ничем, кроме дешевого быстрорастворимого кофе, не кормили.

– Ты, вроде бы, на кофе звал, – бесцеремонно плюхаясь рядом с Егором, нагло протянула я.

Мужчина вздрогнул от неожиданности, поперхнулся пивом и тут же отодвинулся подальше, помня мою любовь заботливо хлопать его по спинке.

– И тебе привет, – выдохнул он, чуть отдышавшись. – Любишь ты эффектно появляться.

– Ага, – довольно поддакнула я. – Где мой кофе с пироженкой? И ты не ответил? Чего это ты с обеда глаза заливаешь?

Егор поморщился, словно ему наступили на больную мо-

Золь.

– Без допинга я не переживу этот поход по магазинам. Соня решила обновить гардероб, а мне хоть стреляйся, – пожаловался он.

Теперь стало понятно, почему встреча в кафе. Где-то внутри остро, но коротко кольнуло разочарованием, и, отбросив лишнюю гордость, я признаюсь самой себе, что все еще люблю этого уже чужого мужчину.

– А где Соня? – решила на всякий случай уточнить я.

Не горю желанием встретится с новой холеной девушкой Егора. Соня его жутко ревнует. Одно радует: это распространяется не только на меня. Она уже давно вытравила из окружения Егора всех особ женского пола.

Нет, понять ее могу: мой бывший – мужик видный, сексуальный. Помнится, мы были очень красивой парой: он – такой мощный, темноволосый, и я – стройная блондинка, словно сошедшая с обложки журнала.

Да, такой я была раньше...

– Она подъедет позже, – вывел меня из тридцатисекундного транса голос Егора. – Тебе кофе заказать?

Я заторможенно кивнула в ответ и мысленно дала себе пару пощечин. Распустила тут нюни! Что было, то прошло, и нечего попусту терзаться. Нужно сразу переходить к делу.

– Так о чем ты хотел поговорить?

Я внимательно смотрю Егору в лицо, с которого понемно-

гу сползает добродушная улыбка. По карим глазам пробегают виноватая тень.

О, нет! Последний раз он так на меня смотрел, когда собирал чемодан и уходил к любовнице.

– Понимаешь, Ален... тут такое дело... – неуверенно начал он. – Ты же знаешь, что мы с Соней уже давно вместе и... и любим друг друга.

– Егор, – строго посмотрела на него. – Ближе к делу! Мужчина нервно провел рукой по волосам и на выдохе признался:

– На прошлой неделе я сделал Соне предложение.

Ну, что-то подобное я подозревала. Как чувствовала, что пришибленный вид Егора не сулит ничего хорошего.

– Совет вам да любовь! – деловым тоном высказалась я. – Развода не дам. Мы с тобой договаривались. Или ты уже забыл?

– Да помню я, помню! – затараторил он, оправдываясь. – Но, Ален, ты пойми: мы с Сонечкой хотим узаконить наши отношения, ребенка родить. Не сразу конечно, года через два-три.

Ох, лучше бы он молчал в тряпочку, потому что проскользнувшая фраза о детях заставила меня с силой сжать кружку горячего капучино! Хотелось встать и вылить этой скотине сладкий напиток, с удовольствием наблюдая, как коричневые ручейки стекают по его белоснежной брендовой рубашке.

– Ну, Зай... – с умоляющими нотками в голосе произнес он. – Ты и меня пойми. Жизнь не стоит на месте. У меня свои заботы.

Поставила кружку на блюдце – так, на всякий случай. А то, не дай Бог, рука дрогнет.

– Значит, у тебя заботы? – спокойно уточнила я, складывая руки на груди и тем самым мгновенно привлекая внимание бывшего к пышным округлостям. – А у меня, значит, забот не имеется?

Егор тихонько сглотнул.

– Егор, объясни мне: почему из-за того, что твоей ненаглядной Сонечке приспичило примерить свадебное платье должна страдать я? Что? Что я должна предъявить на наш развод органам опеки? Ты оттаешь себе отчет в том, что у меня просто отберут племянников?

– Зай, ну, пожалуйста! Ты же умная, – быстро зашептал он, – Что-нибудь обязательно придумаешь. А я? Как я без Сонечки? У нас годочки идут. Нужна какая-то определенность. Не могу же я ждать, пока твои племянники вырастут.

Во время его проникновенной речи в двери кафе зашла высокая гибкая брюнетка, выискивая взглядом Егора. Увидела меня, и даже издалека стало заметно, как зло искривились ее полные губы.

Так, надо заканчивать этот неприятный разговор и сматывать удочки. Общаться с ненаглядной невестой бывшего совершенно не хотелось. Поэтому, особо не мешкая, я бро-

сила под чашку недопитого кофе деньги и, наклонившись к Егору, прошипела сквозь зубы:

– О разводе даже не мечтай! Только через мой труп! – И в ответ на возмущенное восклицание мужчины крепко поцеловала его прямо в губы.

Да-да, вот такая я стерва! Пусть теперь объяснит своей Сонечке, по какому праву его одаривает поцелуями бывшая жена.

– Егор!!! – раздался дикий визг Сони.

Я отпрянула от бывшего мужа и перевела взгляд на красную от злости Соню. Есть контакт!

– Всем пока! – ехидно ухмыльнулась и от чистого сердца пожелала: – Чудного дня, голубки!

Судя по офигевшей роже Егора, день у него и вправду будет «чудный». Разборки с одичавшей самкой тираннозавра скрасят его вечерний досуг.

Из кафе я вылетела, как пробка из-под шампанского. Добежала до продуктового супермаркета и только там, застыв посреди торгового зала, выдохнула.

Похоже, в скором времени меня ждут серьезные проблемы.

Я перевела взгляд на витрины.

Ха, во всем есть положительные стороны! Теперь можно без зазрения совести купить шоколадный торт.

Какая диета, если в расход идут такие титанические нервы!

Долго выбирала тортик, пока, наконец, не остановилась на шоколадном чуде с вишневой начинкой. Свеженький, с воздушным облаком взбитых сливок. Мням, все, как я люблю! А дети? Они вообще любят все, что с сахаром.

На парковке меня дожидалась верная железная лошадка «Лада». Вот уже второй год я катаюсь на ней под скрип обшивки и тарахтение отечественного мотора. Уже даже нравится. Хотя сначала казалось, что после подаренного Егором «БМВ» я уже никогда не смогу пересесть на машину такого низкого класса. Но человек, как говорится, ко всему привыкает. Вот и я привыкла.

Выбирать особо не приходилось. Когда встал вопрос о покупке небольшой двухкомнатной квартиры в нашем родном селе, я, не раздумывая, продала дорогущую тачку, тем более что ездить на ней и дальше было мне не по карману. Слишком дорогое обслуживание. Взамен я приобрела старушку «Ладугу», и даже осталось немного денег на дачу, где мы с детьми жили в летнее время года.

Поначалу со старушкой отношения у нас не клеились. Она глохла даже при попытке тронуться, а я, зло чертыхаясь, лупила ее по рулю. Так она и стояла, одинокая и не кому не нужная, во дворе дома, пока наш сосед по квартире не научил меня ездить на «механке».

– Алень, как же ты права получила? – недоуменно наблюдая, как я пытаюсь воткнуть первую передачу, спросил тогда

сосед.

Так мне стало стыдно в тот момент, что я себе пообещала во что бы то ни стало научиться ездить на «Ладе».

И ведь научалась!

Даже лихачу иногда под настроение.

Сейчас настроения не было.

Пока ехала на дачу, в голове то и дело витали непрошенные воспоминания. Все это время после болезненного разрыва с Егором я гнала их от себя. Сантименты нынче непростительная роскошь, особенно для мамы четверых детей.

Выезд из города, к своему удивлению, я проскочила без пробок и, прибавив газу, выехала на скоростное шоссе. Его построили совсем недавно, и дорога от города до нашего района стала намного приятнее, не говоря уже о том, что в разы быстрее. Поэтому уже минут через сорок я свернула с трассы на узкий сельский асфальт, а после – на грунтовку, которая вела на самый отшиб села. Там, за кособоким забором, стоял наш маленький, но аккуратный дачный домик.

Я купила этот дом у одной пожилой пары. Их городские дети уехали жить в Москву и через пару лет забрали родителей с собой.

Домик был очень старым, но ухоженным. Все в нем было просто, без излишеств, но добротно и по-домашнему уютно. Бывшие хозяева даже мебель забирать не стали. А я и рада: пусть она старая, с советских времен, но лучше, чем вообще никакая.

Запарковав свою Старушку у калитки и прихватив тортик, поспешила к детям.

Ухоженный и чистый двор, утопающий в свежей майской зелени плодовых деревьев, радовал глаз. Ветерок донес до обоняния нежный чуть сладковатый аромат. Ух, ты! Зацвели все шесть яблонь! Значит, по осени будет урожай. С баб Дашей сока яблочного закроем...

Баб Даша – это моя соседка. В отличие от нас она здесь живет круглогодично, благо, дом у нее с газовым отоплением.

Хлопнула деревянная дверь дома, и на крылечко вылетело мое маленькое золотое счастье – Настенька.

– Мама! – звонко закричала четырехлетняя кнопка и со всех ног поспешила ко мне.

Я одной рукой подхватила девочку и расцеловала нежные румяные щечки.

– Привет, мой котёночек, – ласково, прошептала я, прижимая Настену к себе. – Смотри, что я купила.

Круглые голубые глазенки, так похожие на глубокие омуты моей сестры, радостно сверкнули.

– Ура!!! Мама толтик купила! – И понеслась обратно в дом. – Я всем ласкажу!

С ноги девочка распахнула дверь, так что та с глухим стуком шандарахнулась о стену. Следом послышалась ворчливая ругань баб Даши:

– Куды несешься, как очумелая?! Настена! Лоб себе рас-

шибеешь!

Баба Даша – суровая сельская женщина, воспитавшая двух здоровых мужиков. Характер у нее, как кремень – непрошибаемый. От нее похвалы или ласкового слова в жизни не слышала, но в беде не бросит, всегда поможет, а это дороже всех любезностей в мире.

С предыдущими соседями старушка не общалась. Еще лет двадцать назад они крепко повздорили и отгородились глухим, почти пуленепробиваемым забором, чтобы даже пчела с чужого огорода не залетела.

– Ты чего так поздно? – не здороваясь, выдала баб Даша, уперев руки в боки. – Мне твои бандиты весь спинной мозг выгрызли.

В этот вся баб Даша: рычит, ворчит, но еще ни разу не отказалась присмотреть за детьми.

– Опять что-то натворили? – с чрезмерным энтузиазмом поинтересовалась я, заходя на маленькую веранду и тут же меняя парадные кроссовки на драные тапки.

Баб Даша с каменной миной подошла к двухконфорочной газовой плите, открыла крышку большой кастрюли.

– Вот! Полюбуйся! Я щи зеленые сварила.

Подошла поближе и нос уловил душистый запах свежесваренных щей. Желудок жалобно сжался, слюноотделение усилилось, и я быстро сглотнула.

– М-м-м щи зеленые... – алчно протянула я и зачерпнула половником супчик, намереваясь попробовать.

Поднесла половник к губам и внезапно заметила, что в супе плавают что-то странное... что-то, чего в супе точно никак не должно быть.

– Близнецы решили, что в супе не хватает мяса, – буднично поведала баб Даша и отобрала у меня половник. – Так что, попотчевать тебя супом из дождевых червей? Я старалась.

И сказала – как отрезала. Ни один мускул не дрогнул на лице этой мужественной женщины.

– Э-э-э, я как-нибудь воздержусь, – виновато съежилась под осуждающим взглядом баб Даши.

Моя соседка – ярая сторонница строгого воспитания. Она всегда ставит мне в вину, что я слишком балую детей. Она наказывает, а я каждый раз их выгораживаю, а после вот таких «сюрпризов» становится всегда и неудобно, и стыдно одновременно.

– Баб Даш, – делаю стратегический отвлекающий маневр, – а пойдём чай пить с тортиком.

Соседка хмурит черные, без единого седого волоска, брови.

– Не переживай, я все сама убегу и щи новые сварю, – тут же заверяю я и тяну ее за рукав халата глубже в дом. – И где эти сорванцы?

Близнецы отбывали строгое наказание. Стояли в разных углах в большой комнате с выключенным телевизором. Кирия мирно ковырял пальцем виниловые обои, да так, что подле

его ног образовалась белоснежная крошка, а Илья уселся на корточки и усердно отдирает тонкую полоску шпатлевки от плинтуса – не иначе как подкоп для армии муравьев.

Увидев меня в дверях, да еще и с тортиком, мальчишки с дикими воплями кинулись ко мне и повисли как две обезьяны.

– Мама! Мама!

Им уже по семь лет и они достаточно взрослые, чтобы понимать, что их настоящая мама умерла, но по-прежнему зовут меня мамой. А у меня каждые раз сердце сжимается. И радостно, и больно одновременно – так я их люблю!

Поцеловала их в светлые, чуть рыжеватые макушки и, поднимая голову, встретила с полным немого укора взглядом баб Даши.

– Так! – Спohватившись, тут же придала лицу суровое выражение. – Кто из вас испортил бабушкин суп?!

– Это не мы!

– Да, это не мы!

– А кто?! – не дав вставить мне и слова, возмущенно каркнула баб Даша.

Минутная заминка. Мальчишки синхронно чешут взлохмаченные шевелюры, и Кирия находится:

– Барабашка!

– Да, барабашка! – вторил ему довольный находчивостью брата Илья.

– Какой барабашка?! – Я, прифигев, сорвалась на писк. –

Его же не бывает!

Рот Кири потрясенно, словно я только что убила все его детские мечты, приоткрылся, и он, выставив палец перед собой, говорит:

– Как – не бывает? Ты же говорила, что он на чердаке живет.

И пока я пыталась найтись с ответом, этот манипулятор добавил зловещим шепотом:

– Ты. Нас. Обманула...

– Да, обманула, – поддакинул Илья, сложив тонкие ручки на груди в очень сердитом жесте.

Да-а, дела! Я, вторя жесту близнецов, озадаченно почесала репу. Это что же получается – теперь я виновата?

– А пойдемте чай пить с тортиком! – внезапно с преувеличенной радостью позвала баб Даша. – Кто первый сбегает за водой, получит два куска.

Рыжие издеватели мгновенно забыли обо мне, барабашке и, узрев вожделенный торт, опрометью бросились выполнять задание. Вот это я понимаю – правильная мотивация!

– Эх, учиться тебе еще и учиться! – вздохнула баб Даша, – Алэн, скажи, как ты в садике работаешь? Они же из тебя веревки выют.

С виноватой улыбкой пожала плечами, тем самым признавая, что так оно и есть на самом деле. Хотя нет, дети выют из меня настоящие канаты.

Пока баб Даша на пару с любопытной Настеной накрыва-

ли на стол, я, умывшись, направилась в самую маленькую комнату, которая служила прежним хозяевам чуланом. Мы эту комнату разгребли, поставили кровать, и теперь там полноправно властвует мой старший ребенок – Данил.

Комната Данила – это царство компьютерных игр, соцсетей и книг о боевом фэнтези. Хорошо, что на даче нет интернета. Тут он хотя бы иногда выглядывает на улицу.

Тринадцатилетний Данил – мой самый трудный ребенок. Его бесконечная скорбь по отцу – моя кровотокающая рана на сердце. Его отчужденность, обида на весь мир и боль, которая плещется в его не по годам серьезных серых глазах, – постоянный укор мне. Не полюбила, не смогла понять и принять. Наши отношения – это постоянное блуждание по минному полю. Один шаг вперед и три шага назад. Движение в сторону, и я потеряю его.

Осторожно постучалась в дверь и, не услышав ответа, заглянула внутрь.

– Данюш? Привет.

– Привет, – донеслось бурчание, и серые глаза выглянули из-за крышки ноутбука. – Как съездила?

Я пожала плечами и быстро проканировала комнату сына. Все, как всегда, прибрано, постель застелена. Под кроватью – два тома какой-то фантастической мути, рядом с ноутбуком – пачка чипсов.

– Нормально, – пожала плечами я, садясь на кровать.

– И?.. – вопросительно поднимает брови Даня. – Чего этот

козел хотел?

– Даня! – сурово воскликнула она. – Что за слова?!

Сын закатил глаза и мгновенно исправился:

– Ладно, не козел, а осел. Так лучше?

Не ответив, я сердито засопела.

– Так ты не ответила. Чего он хотел? – с нажимом повторил Данил, и меня в который раз посетило чувство дежа вю.

Он нереально похож на своего отца – от внешности до характера. Тот тоже был таким же серьезным, твердолобым и отчаянным. Иначе бы просто не смог завоевать мою красавицу сестру.

– Соскучился он, – отмазалась я и быстро перевела стрелки. – Ты опять целый день играл?

– Ага.

– Хоть бы с Таськой погулял.

– Больно надо!

– Вы же с ней дружили?

– А теперь не дружим.

– Что-то случилось?

– Я сам разберусь.

– Данил?

– Я сказал: сам!

Вот и поговорили!

Я устало поднялась с кровати и уже у двери проговорила:

– Пошли, чаю попьем. Я тортик купила.

Данил, все еще раздражённый, кося своими сверкающими глазищами, процедил:

– Сейчас приду.

Я тихо прикрыла за собой дверь и вздохнула. Почему с ним так сложно? Может, из-за того, что он мне не родной? На подсознательном уровне чувствует себя лишним?

А ведь я никогда не выделяла его, да и не задумывалась, что он, по сути, чужой ребенок, привыкший к совершенно другой жизни – обеспеченной и даже богатой.

Данил – сын Романа, мужа сестры от первого брака. Не знаю, как так вышло, что мальчик остался без матери. Знаю одно: мама его в добром здравии и много лет живет в Европе. Сам Даня ее не помнит, но это не уменьшает его боли. Он чувствует себя брошенным, потерянным, словно выброшенным.

Роман был чудесным мужчиной, заботливым и чутким отцом. С Аней они познакомились, когда я была на четвертом курсе института. Помню, как горели глаза сестры, когда она восторженно рассказывала о своем новом кавалере. Они стали самой гармоничной, любящей парой, какую я только встречала.

Признаться, я даже немного завидовала старшей сестре. Может, поэтому через пару лет и выскочила за Егора. Аня отговаривала, советовала не спешить. А я отмахивалась. Егор был таким лапочкой: на руках носил, цветами заваливал, бриллианты дарил! В общем, дура была наивная!

Стыдно вспомнить, но мы с Аней до появления в нашей жизни Ромы все по общагам мыкались и перебивались случайными заработками. Родители наши умерли. Сначала мать сгорела от рака, а потом и отца инсульт шарахнул. В наследство нам достался ветхий домик в вымирающем селе.

Похоронили мы родителей, погоревали и продали домик, чтобы оплатить Ане первый курс учебы в университете на юрфаке. Я через год поступила в пединститут на бюджетное отделение, и жизнь наша, пускай нелегкая, иногда даже голодная, всё же начинала налаживаться, а с появлением Ромы и вовсе заиграла яркими красками.

Перед глазами так и стоят фото из нашего семейного архива.

Непередаваемо прекрасная Аня в воздушном кружеве свадебного платья.

Рождение близнецов.

Моя свадьба с Егором.

Рома держит в сильных руках розовый конвертик из роддома с Настей.

Мы все вместе отмечаем Новый год.

Это было самое счастливое и беззаботное время в моей жизни, которую перечеркнул один урод на груженной фуре.

В тот вечер у малышки Насти резались зубки, и маленькая принцесса постоянно капризничала. Сестра боялась оставлять ее с няней и попросила меня посидеть с детьми. Я с радостью согласилась: это был повод не тащиться с Егором на

очередной светский раут и не изображать из себя глянцевою жену успешного бизнесмена.

– Мы быстро вернемся. Смотаемся в офис, и обратно, – заверила меня Аня, поспешно натягивая дубленку. – Все, побежала! Ромка ждет.

Я тогда не догадалась спросить, чего они могли забыть в офисе в семь часов вечера, а после было уже не у кого.

До офиса они не доехали. На заснеженной трассе их «Лексус» протаранила фура с заснувшим за рулем водителем.

– Мам. Мам! МАМ!!!

Я вздрогнула, осознав, что Настена уже в третий раз у меня что-то спросила, а я так задумалась, что пропустила мимо ушей.

– Мам! – Девочка требовательно дернул меня за руку. – Пойдем. Баб Даша уже толтик полезала.

Так, что-то ты, мать, раскисла совсем! Общение с Егором на мне плохо сказывается. Тут же вспомнилась разъяренная Сонечка, и настроение сразу улучшилось. Душу грело то, что на Егоре, вернее, на его нервной системе, наши встречи гораздо... гораздо хуже сказываются. Зато теперь десть раз подумает, прежде чем тревожить меня по всяким пустякам.

Ишь, жениться он надумал! Щас, мы устроим тебе свадьбу после веселых похорон. Потому что развод я ему дам только через труп. Его труп, естественно.

С такими вот решительными мыслями я приободрилась и пошла трескать свое законно выстраданное лакомство.

Когда мы с Настей появились на кухне, рыжая банда уже успела расковырять ложками все розочки на торте и стащить все шоколадные украшения.

— Мам, посмотри, а Киля с Илюшей весь толтик исполнили, — завидев сей акт вандализма, ударилась в слезы Настя.

— Ну что ты, милая! Тортик от этого не стал хуже. Ты только попробуй. — Я успокаивающе погладила по голове свое солнышко, ловко перехватив другой рукой у Ильи ложку с очередной порцией уворованного крема.

Быстро и сноровисто разрежала шоколадное лакомство, разложила по тарелкам и уселась во главе стола, с любовью и гордостью поглядывая на свое семейство

После первых ложек тающего во рту бисквита все заботы трудного дня словно отступили на второй план, и я с умиротворением откинулась на спинку стула, попивая мятный чай из личных, почти эксклюзивных запасов баб Даши.

Вот оно, счастье! Под детскую болтовню и перепалки поужинать в кругу любимых и дорогих сердцу людей, а после пойти и забыться в спокойном сне, чтобы на следующий день проснуться полной надежд, сил и энтузиазма для новых свершений.

Потому что у меня есть огромный... нет, четыре маленьких, непоседливых, очаровательных стимула двигаться дальше, несмотря на все невзгоды и испытания, что преподносит мне судьба. И скорее небо рухнет на Землю, чем я позволю

хоть кому-то встать у меня на пути, не будь я Алена Зайцева!

Глава 2

Царь.

Утро после попойки с особым размахом.

Какое оно должно быть?

Радостным – для соседнего магазина, в котором был сметен с полок самый дорогой коньяк.

Хлопотным – для уборщицы Марии Петровны.

Нервным – для секретарши Милочки.

Веселым – для завхоза Саныча.

И очень-очень хреновым для господина Луганского.

Его светлость Василий Михайлович, а по совместительству – глава района, изволил почивать на дорогом кожаном диване, когда в его мозг, словно молотком по наковальне, шандарахнул стук в дверь и громогласное:

– Махалыч!

Мужчина судорожно дернулся, резко открыл глаз и тут же застонал от того, как больно резанул свет по воспаленным глазам.

– М-м-м... – простонал несчастный и, спрятав лицо в ладонях, перевернулся на другой бок.

– Махалыч! – снова гроыхнуло, под аккомпанемент яростного пинания двери. – У тебя через час открытие детского садика. А тебе еще опохмелиться надобно.

Мужчина на диване снова дернулся и, бормоча прокля-

тия, натянул на голову, валяющийся рядом пиджак.

– Махалыч!!! Ты там живой?!

– Да лучше б я умер! – не выдержал Луганский и, с трудом подняв свою немалую тушу с дивана, пошатываясь и прихрамывая, словно старый дед, поплелся открывать дверь кабинета.

В помещение, словно энеджерджер, влетел маленький плотный мужичок, моментально распространяя позитивный заряд энергии. В одной руке у него была бутылка хорошей водки, а во второй – коробка с кефиром, от вида которой у хозяина кабинета моментально спазмом сжался желудок, грозя избавиться от интоксикации прямо на начищенный паркетный пол.

– А ты чего за спину-то держишься? – узрев сильно пожеванное начальство, первым делом выдал Саньч.

Не удостоив завхоза ответом, Василий поплелся обратно на диван, в надежде, что там осталось немного минералки. Надежда сдохла, а вернее, закончилась вместе с минералкой.

– Что, плохо тебе? – ехидно пропел завхоз, нагло устраиваясь в царском кожаном кресле. – А я тебе говорил: не мешай водку с пивом. Вот, на меня посмотри-ка – как огурчик! А все почему? – Саньч с дельным видом поднял палец вверх. – Правильно: главное – знать свою норму.

– Угу, – промычал Вася, обводя кабинет жадным взглядом – авось, где-то еще минерала завалилась. – А самое главное – жену иметь под боком, которая с утра пораньше рассоль-

чика принесет и с попойки палкой пригонит. Скажи спасибо Галке. Это она все твои нормы на зубок выучила... Умник...

Саныч с некоторой долей превосходства посмотрел на друга и протянул:

– Галка, да... Она может. – Чуть подумал и добавил: – Жениться тебе, Вась, надо. Жениться.

Луганский, оставив попытки найти воду, с задумчивым видом посмотрел на стол, заставленный остатками вчерашнего пиршества, подцепил бутылку с пивом и сделал два жадных глотка.

О, да!

Сейчас чуть отпустит.

– Я уже пробовал. Женился, на свою дурную голову.

– Да ты женись на нормальной бабе! – тут же встрепенулся Саныч. – Детишек заведи. Что ты один, как сыч на болоте?

– Сань, ты решил мое поганое утро сделать еще гаже? – хмуро поинтересовался Вася, падая обратно на диван.

Ответить тот не успел: дверь со скрипом отворилась, и мужчины тут же болезненно поморщились от высокого, чуть визгливого голоса Марии Петровны.

– Батюшки!!! Вы чем, охальники, тут ночью занимались?!

Низкорослая, полная дама лет пятидесяти в голубом халате уборщицы и с сильно выбеленными волосами застыла на пороге в угрожающей позе, а рука в резиновой перчатке воинственно сжалась на черенке деревянной швабры.

– Опять нажрались до поросычьего визга?!

Вася глухо сглотнул и, повернувшись к другу, с легкой иронией поинтересовался:

– Сань, напомни, пожалуйста, почему мы взяли Марию Петровну на работу?

– Потому что она – моя тетя, – развел руками завхоз.

– Именно это и останавливает меня уволить ее за несоблюдение субординации.

– Но-но-но! – ничуть не смутившись, воскликнула импозантная дама, – Я, между прочим, в отличие от некоторых не бездельничаю. – И покосилась на приемную, где Милочка, пользуясь временным отсутствием работоспособности у начальства, с особым усердием маникюрела ноготки.

Губы страшного и ужасного повелителя администрации сжались в тонкую ниточку, глаза недобро свернули, рот приоткрылся, и он как гаркнет:

– Мила!!!

Девушка от неожиданности подскочила на месте, перевела испуганные, как у суслика, глаза на дверь и едва слышно проямлила:

– Да, Василий Михайлович?

– Зайди, – коротко и повелительно приказал Луганский.

Милочка была очень хорошей девушкой – доброй, отзывчивой, красивой. Луганский даже мог бы в нее влюбиться, если бы не редкая, непроходимая, как джунгли жгучей Бразилии, тупость. Овечка Долли по сравнению с Милой просто доктор овечьих наук. Помимо тупости девушка была крайне

забывчивой. Все в совокупности мешало ей в выполнении даже самых простых и безобидных заданий.

Почему он ее еще не уволил?

Хороший вопрос!

Наверное, из жалости.

При всей своей глупости, Мила на редкость бесхитростной, а это качество Луганский в последние годы ценил все больше и больше.

Как и водится в администрации, ее попросил пристроить на тепло место один знакомый. И теперь Вася каждое утро пьет какую-то непонятную бурду вместо нормального кофе, давится просроченными булочками, которые этой наивной простоте втюхивают в магазине, и с тоской вспоминает свою несменную «баклажаниху» в колхозе. Вот кто был поистине незаменим, особенно по части сплетен.

Не то чтобы Василий не был в курсе кто, чем дышит администрации, благо, Мария Петровна, пока убирала по утрам его кабинет, успевала пересказать все местные новости. Так он узнавал, кто с кем крутит романы на работе, ворует казенный бензин, халтурит на ремонте, а так же, что коллеги придумали ему новое прозвище, которое, к слову, было гораздо приятнее предыдущего. Если еще год назад местный бомонд с большой долей ехидства обзывал его не иначе как «наш Князек», то теперь его уважительно величали «Царь». Мелочь, а приятно!

– Милочка, – почти нежно проворковал Луганский, глядя

на ковыляющую на умопомрачительных шпильках девушку, – надеюсь, ты забрала мой запасной костюм из химчистки?

Секретарша ожидаемо округлила глаза, и из испуганно приоткрытого рта вырвалось ее коронное:

– Ой, забыла!

Сказала и тут же спряталась за широкой спиной Марии Петровны. Дура дурой, а инстинкт самосохранения у нее заложен в ДНК.

– Та-а-к... – с напускным спокойствием протянул Луганский, грозно хмурия брови. – И как мне теперь на людях показываться в этом? – И продемонстрировал девушке, опасно выглядывавшей из-за плеча Петровны, мятый и пыльный пиджак.

– Так мы... это... – Мила сглотнула и проблеяла: – Подчистим...

– И погладим, – поддакнула Мария Петровна.

– Значит, погладим, – тихо повторило начальство, именуемое Царём, и, будто отрабатывая свое прозвище, как рыкнет: – А ну, живо ходули в ноги – и за костюмом! И без него на работу не возвращайся!

Милочка пискнула и поспешила скрыться за дверью. Мария Петровна слоником протопталась следом. И только Саныч, гаденько захихикав, резонно заметил:

– Все равно не успеет.

Василий скривился и тут же поморщился.

– Ты бы опохмелился, что ли. Вдруг настроение улучшит-

ся.

Завхоз как настоящий друг налил полрюмки «беленькой». Вася благодарно принял вождеденное лекарство, да так и застыл, не донеся тару до рта, услышав из приемной полузадушенный стон:

– Ходули? Какие ходули, тетя Маш?

И далее – уже паническое:

– Где мне взять ходули?!

Саньч закрыл лицо руками и затрясся в истерическом смехе, а Василий Луганский задумчиво посмотрел на рюмку и понял, что надо пить полную.

Разумеется, утреннюю планерку пришлось перенести: слишком красноречив был помятый вид Василия Михайловича. Не то чтобы подчиненные не знали о вчерашних посиделках в кабинете главы района, но показываться в таком виде Васе совсем не хотелось, тем более – строить из себя строгое всезнающее начальство.

Пока он умывался и приводил себя в божеский вид в туалете, в голову невольно стали закрадываться всякого рода бредовые мысли.

Вот как так вышло что глава района, уважаемый человек, спит на рабочем диване в обнимку с бутылкой коньяка, как самый обычный среднестатистический алкоголик? Будто дома у него своего нет!

А есть он! Огромный двухэтажный особняк. Квартиру он продал еще два года назад, потому что его жене хотелось

жить на природе. Жена ушла, а дом остался – огромный, холодный и ужасно одинокий. Он стал местом, куда совершенно не хотелось возвращаться по вечерам.

В последние полгода Луганскому стало казаться, что он просто потерял вкус к жизни, перестал к чему-то стремиться. Зачем, если у него и так все было, и даже больше? Деньги, положение в обществе, женщины на любой вкус – все это теряет ценность после того, как становится слишком доступным. Пресно, скучно, однообразно.

Василий со щемящей тоской вспоминает былые времена. Поле, ферма, колхозная контора и... Женька. Маленькая вредная идеалистка.

Давно ли это все было?

Кажется, в другой жизни. Тогда все казалось каким-то живым, настоящим, ярким, как и чувства к этой невозможной в своей нелогичности девушке.

Жалел ли он, что тогда пошел на поводу у своей вспыльчивой натуры и разбил все то хорошее, что только зарождалось между ним и этой девушкой?

Жалел, чего уж тут...

Особенно когда осознал, что его глупостью воспользовался друг и ловко окольцевал это непокорное сокровище.

У них теперь двое детей. Любимое дело. Уютный дом, полный счастливых моментов.

А у него?

Постылая работа, деньги, которые некому тратить, и по-

стоянное чувство горечи от разрушенных надежд, которые были связаны с Людмилой.

– Босс! – Настойчивый стук в дверь. – Мы уже опаздываем.

Пора ехать. Его водитель Стас уже на месте. Секунда в секунду. Точнее только швейцарские часы.

Зайка.

Проснулась я от ощущения, что кто-то по мне активно ползает.

– Насть, отстань, – сонно промычала я в подушку и перевернулась на другой бок.

– Мам, вставай! – Девочка легонько толкнула меня в плечо.

– Настюнь, ну еще пять минуток. Сходи, оладушек скушай, – пробурчала я и снова провалилась в сон.

– Мам...

– Да-да. – Я чуть приподняла голову и в следующую секунду накрылась с головой одеялом. – Компот в холодильнике.

– Мам... ты на лабоду опоздаешь.

Это ведь сон, правда? Пожалуйста, пусть это будет просто кошмар. Как же спать хочется!

– Работу? – пробормотала я. – Какую работу? – И вскочила как ошпаренная. – Блин, сегодня же открытие!

– Блин? – озадаченно повторила дочка.

– Не бери в голову, золотце. Иди, зубки чисти скорее. В садик поедem.

– Ула!!! В садик! – завопило мое растрепанное счастье и побежало умываться.

Я посмотрела на часы. Спасибо Настиной привычке рано вставать. Мы еще не проспали, а могли бы. Легла я вчера в начале первого. Нужно было приготовить и обед, и ужин. Сегодня Данил остается дома один за главного.

Быстренько стогняла в бодрящий летний душ. Холодно? А то! Но деваться-то некуда. Детей я обычно отправляю купаться к баб Даше: у нее котел газовый и огромная угловая ванная. Сын старший постарался. А мы и рады пользоваться.

Заряженная, как батарейка, утренним позитивным закаливанием, растолкала близнецов и посадила их за стол завтракать. Пока они пытались разлепить сонные глаза, натянула белое воздушное платье с красивой синей вышивкой, расчесала свою непокорную гриву, привычно заплела толстую косу и, даже не бросив взгляд в зеркало, помчалась собирать Кирилла с Ильей.

– Мам, я соблалась! – известила меня Настя.

Девочка уже стояла в дверях в надетом задом наперед платье, с кривым бантом и в разных гольфах. А в руках у этого чуда был целый баул с игрушками.

– Настенька, зачем тебе столько игрушек? – отчаянно стараясь не кипятиться, спросила я, одновременно переодевая ее.

– Нужно, – тут же насупилось золотко, предчувствуя, что в садик я ее с игрушками не пущу. – Я Ангелине обещала показать своих кукол.

– А давай мы пригласим Ангелину на чай, и ты дома покажешь ей своих куколок? Так будет интересней. Давай?

– Давай, – нехотя согласилась Настя и позволила забрать у нее огромный пакет с игрушками.

В общем, из дома мы вышли почти по графику. Я быстро распахала детей по детским креслам. Причем в этот раз между Кирей и Ильей дипломатично посадила Настю: через сестру не посмеют драться.

Выдохнула.

Пора на работу.

Работаю я в детском садике воспитателем. Куда же мне еще с педагогическим образованием было податься? Говорила мне Аня, что педагог – неперспективная профессия, но кто ж знал, что в жизни все так сложится?

Работу я свою люблю, хоть и устаю адски. Дома дети, на работе дети – не каждая психика выдержит. Моя почему-то выдерживает и даже пребывает в спокойствии, как обожравшийся удав.

Платят в садике немного, и я бы ни за что не прокормила бы четверых детей на какие-то пятнадцать тысяч в месяц, если бы не деньги от аренды за квартиру Ани и Ромы – их единственное наследство. Не знаю, что произошло с бизнесом моего зятя, но когда пришло время заниматься оформ-

лением наследства, оказалось, что все счета Роминой фирмы арестованы, а имуществом вообще владеет чужой человек.

В тот момент мне было совершенно не до разборок с адвокатами, нотариусами и полицией. Я была вне себя от горя, с младенцем на руках и тремя совершенно неуправляемыми детьми, которым я никак не могла объяснить, почему мамы с папой больше нет.

Закрадывалась ли у меня мысль о возможной подставе? Закрадывалась, и не раз. Но хорошо воевать, если у тебя есть хоть малейшая поддержка, а я вскоре после ухода Егора осталась одна, с полностью связанными руками. Что я могла сделать?

Уехать в село, где мне предложили работу и места для детей в садике, устроиться на новом месте и начать новую жизнь, в которой только я сама решаю наши с детьми общие проблемы.

Наш быт в селе складывался весьма неплохо. Видимо, судьба все же сжалилась надо мной. На работе все спорилось. Я быстро влилась в коллектив, подружилась с малышами. Соседи по квартире попались хорошие, отзывчивые, а, узнав про то, что я в студенческие годы работала аниматором, пристроили меня в местный театральный коллектив.

Теперь я подрабатываю, играя на детских праздниках. Какая-никакая, а все же копейка в кармане.

Вот и сегодня мне предстояло выступить на празднике в честь открытия нового корпуса нашего садика. В этом году

администрация раскошелилась и отстроила целых две новых группы для дошколят.

На открытие должен был пожаловать сам глава администрации, поэтому сорвать праздник своим опозданием было сродни государственной измене, и посему я летела на своей старушке раскрывлив покоцанный спойлер на багажнике.

По дороге меня попытался подрезать черный внедорожник с блатными номерами, но я нагло уперлась рогом и не пустила его, гневно посигналив и ткнув пальцем в знак «В машине ребенок», которым были помечено, и переднее, и заднее стекло – так, на всякий случай, для таких вот парнокопытных особей.

Водитель шикарного «БМВ», видимо, сказал что-то пакостное в отношении блондинки за рулем, потому что представительного вида мужик на пассажирском сиденье с интересом покосился на меня и гаденько ухмыльнулся, на что я, окончательно разозлившись, показала им обоим средний палец и стартанула в направлении садика.

– Мама, а почему ты дяде пригрозила пальчиком? – слышался тоненький голос Насти.

– Э-э-э, я просто показала дяде дорогу, – ласково отозвалась я, а на заднем сиденье, с трудом сдерживая смех, в унисон захрюкали близнецы.

Здание садика встретило нас праздничным настроением. На главной игровой лужайке поставили большой батут для детей. Разумеется, Киря и Ильей сразу потащили меня туда,

глядя жалобными глазами. Конечно, я сдалась и потратила последние десять минут до начала церемонии, скача, словно дикая коза неандертальца, по всему батуту за близнецами.

В итоге сдала детей своей коллеге Людмиле Васильевне, и бегом, переходя на турбоскорость, съезжала в новый корпус, где отгрохали шикарный актовый зал.

– Зая! – воскликнул Марик, мой творческий руководитель, а по совместительству еще Буратино на сегодняшнем торжестве. – Ты катастрофически не успеваешь. Марш одеваться!

Под впечатлением от его грозного тона я поспешила в подсобку, которую заведующая выделила специально для нашей театральной студии. Влетела в комнату и кинулась наносить грим. Не жалую косметику, но иначе лицо со сцены будет выглядеть бледным и невыразительным.

Накрасила свои светлые ресницы темной тушью, чуть подвела тонкие брови, щедро нанесла румяна на скулы. Спасибо моему бывшему мужу за умение стильно одеваться и краситься. Он всегда считал, что его любимая супруга должна быть визитной карточкой мужа, дорогой и шикарно одетой. Поэтому он с удовольствием оплачивал мне походы по дорогим салонам, а я смотрела и на ус наматывала.

Теперь, вот, пользуюсь. Если сильно прижмет в финансовом плане, то пойду новомодный маникюр колхозницам делать. А что? Очень даже прибыльная профессия.

Закончив макияж, я вынула из чехла заранее оставленный

Мариком костюм цветочной феи, и как всегда меня посетило чисто девчачье чувство восхищения. Платье было великолепно! Нежно-сиреневого цвета, с легкой пышной юбкой длиной до щиколотки, кружевным корсажем. Платье дополняли блестящие крылышки, которые ловко крепились к спине и кокетливо колыхались при каждом движении.

Натянула на себя все это великолепие, расправила складки тонкого шифона на груди, потянула молнию и... с ужасом поняла, что молния не застегивается.

– Черт! – в негодовании, дергая злосчастную молнию сбоку, шипела я. – Это ж надо так разожраться, чтобы в платье не влезть!

Как я ни старалась вдохнуть поглубже, мои пышные формы никак не хотели уместиться в лифе платья. От такой несправедливости хотелось расплакаться.

У всех нормальных баб толстеет только попа, а у меня – грудь. Как так-то?

Дверь с едва слышным скрипом распахнулась, явив мое ошалелое от нервоза начальство.

– Ты еще не готова?! – возмутился Марик, узрев меня в полуголом состоянии. – Зая, ты срываешь мне премьеру!

Помпончик на красной шапочке Буратино яростно покивал в знак солидарности с его обладателем и нервно дернулся, когда я жалобно запричитала:

– Марик, я у меня платье не застегивается!

Взор нашего гения режиссуры сфокусировался на моих

наполовину прикрытых прелестях, и даже с расстояния я заметила, как в нервных конвульсиях задергался его левый глаз.

– Мать твою за ногу, Зая! И что мне теперь делать?!

Закатив дергающийся глаз, Марик упал на стул и протяжно застонал:

– Все пропало! Мы опозоримся! – И для пущей убедительности схватился за сердце, отчего бумбончик грустно съехал на затылок. – Я этого не переживу!

– Маричек! – кинулась я к своему начальству. – Не все пропало. Где костюм белого кролика из «Алисы»? В него я точно влезу.

– Какой кролик, Зая! У нас «Буратино»! – вскричал Марик и снова завыл: – Все пропало-о-о...

– Придумай что-нибудь, а мы с ребятами симпровизируем. Давай, соберись, ты же гений.

Марик перестал кривить губы и с интересом посмотрел на меня.

– Ты права, Зая. Переодевайся, у нас еще есть немного времени, чтобы переkreить сценарий.

С этими словами воспрянувший духом мужчина соскреб себя со стула и с удивительным энтузиазмом побежал делать перестановки в основном составе актеров, приговаривая:

– Это будет гениально! Такого еще никто не делал!

Как только за ним захлопнулась дверь, я со вздохом стащила с себя чудесное платье и, отыскав костюм белого кро-

лика, привычно натянула его на себя.

Мне было жаль сиреневый наряд. Теперь Марик наверняка подберет другую актрису на роль феи, если я не похудею в ближайшее время настолько, чтобы снова влезть в платье.

Частично стерла яркий грим, поправила заборные ушки, прикрепила носик и с каким-то тоскливым чувством поплелась опять играть белого кролика.

Дернула за дверную ручку, но та почему-то не поддавалась.

Попробовала второй раз, усиливая нажим, – та же песня.

Что за фигня?!

Пару раз моргнула, тупо пялясь на внезапно заклинившую дверь, и, ругнувшись со всей дури стала ее дергать.

– Да что же это такое?! – выругалась я, когда дверная ручка после такого яростного натиска просто осталась у меня в руке. – Кто вообще так строит?! Голову пробить этим строителям!

Попинала еще дверь, постучала, даже поорала, но меня никто не слышал из-за грохота музыки в зале.

А у меня спектакль горит. Марик порвет зубами наш скудный репертуар, если я опоздаю!

Что же делать?

Взгляд затравленно заметался по комнате, пока не остановился на сумке. Точно! Как же я могла забыть про телефон?!

Но и здесь меня ждал облом, потому что моего тоненького беленького смартика в сумке просто не оказалось. В памяти смутно пронеслось, как в машине я давала Илье поиграть в

него. Выходит, он бросил телефон где-то на заднем сиденье. Просто очаровательно!

Примерилась к широкому подоконнику большого пластикового окна. А это выход! Только стрёмно как-то.

Минут пять нерешительно потопталась на месте, раздираемая противоречиями, все еще надеясь, что кто-то меня откроет, но Марик, видимо, уже начал спектакль и вышел на сцену. А кроме него меня просто некому было искать.

Настенные часы неумолимо отсчитывали последние минуты до выхода. Делать нечего, нужно решаться.

Открыла створку, высовываясь на улицу, чтобы оценить расстояние до земли.

Этаж первый, но из-за высокого цоколя просто так из окна не спустишься. Придется как-то прыгать.

Влезть на подоконник не составило труда, а вот дальше дела обстояли в разы хуже. Снаружи к стене крепился хлипкий отлив, по которому я надеялась на животе соскользнуть вниз.

На четвереньках повернулась спиной и стала осторожно по очереди спускать ноги.

Вы хоть представляете, как это смотрелось со стороны?

Большая поролоновая попа белого зайца с задорным хвостиком протискивается в окно и зависает, отчаянно дергая короткими лапками. Большие уши дрыгаются вместе с попой, так как я активно верчу головой в попытке понять, далеко ли там до земли.

Надеюсь, никто не станет свидетелем моего акробатического номера.

Это ж позорище! Воспитательница лазает по окнам!

С трудом найдя какой-то едва ощутимый выступ на кирпичной стене, я уперлась в него носками белых балеток и осторожно опустила корпус, хватаясь за отлив.

Ура! Я справилась!

Почти...

Отлив как-то подозрительно хрустнул, сердце ухнуло в пятки от понимания очевидного, и я в обнимку с куском профиля полетела на мягкий зеленый газончик.

Надеюсь, директриса меня не прибьет, когда узнает, кто вытоптал под корень посеянную собственноручно ею травку.

Ударилась я не сильно. Спасибо плюшевому костюму, который, к слову, почти не пострадал.

С силой отбросила многострадальный отлив и решила, что точно заморочусь и найду шарашкину контору, что тут строительством занималась, и того гада, что подписал им акт сдачи в эксплуатацию. Я еще не знала, что именно им сделаю, но пару разгромных роликов точно обеспечу. Понастроили черте что!

Воровато оглянувшись, нырнула за большие кусты сирени и тихонько приставила многострадальный отлив к стеночке, так, чтобы не очень бросался в глаза. Мало ли кто мог его оторвать? Правда же?

Ага, а я. Типа, просто мимо проходила.

Быстренько отряхнувшись, реактивной ракетой устремилась в актовый зал.

Злость придавала мне ускорения, и я, опустив голову, чтобы глаза не слезились от ветра, придерживая яростно мотающиеся из стороны в сторону заячьи уши, в три прыжка заскочила на ступеньки заднего входа.

Дверь была распахнута настежь, так что, не меняя вектора направления, я понеслась по коридору, шурша поролоном.

Наконец, показались кулисы актового зала и мои коллеги в сказочных костюмах, попивающие кофе из пластиковых стаканчиков.

Слава Богу! Похоже, я успела!

И так я обрадовалась, что как-то пропустила внезапно образовавшуюся преграду, возникшую на пути моего стремительного движения. Из-за поворота неожиданно выскочил мужчина, и я со всей дури врезалась в его твердую грудь, да с такой силой, что опрокинула его навзничь, а сама, чуть ли не перекувыркнувшись через голову, приземлилась рядом на свой мягкий заячий зад.

– Блин-н-н! – со стоном протянула я, потирая ушибленную голову.

Сбоку слышались витиеватые ругательства, от которых у особо нервных обычно уши в трубочку сворачиваются.

– Мало у меня голова болела! – прорычал прибитый мужик, соскребая себя с жесткого кафеля. – Куда ты, курица, неслась так?!

– Кто?! – Мне послышалось, или меня только что обозвали курицей?

Пришибленный, кряхтя, как старая коряга, поднялся на ноги и, опираясь одной рукой о стену, а другой, потирая ушибленную спину, иронично посмотрел на меня.

– Ой, извини, ошибся, зайчонок. – И расплылся в обаятельной улыбке.

Э-э-э. А чего это он так поменялся?

И смотрит таким лоснящимся, как у кота на сметану, взглядом. Проследила за этим самым взглядом и почувствовала, как щеки обдало жаром.

Оказывается, у меня костюм порвался, да и еще на самом интересном месте, и теперь этому наглому котяре открывается чудный вид на кружевной лифчик цвета шампанского и, собственно, то, что он поддерживает.

Нет, ну где справедливость?! Уши на месте, хвостик на месте, даже носик не сбил, а сиськи наружу.

Прикрыла рукой безобразие и, сделав морду кирпичом, строго посмотрела на улыбающегося мужчину.

– Вы мне костюм испортили.

– А ты мне голову, похоже, проломила, – не растерялся мужик и, поднеся руку к затылку, поморщился. – Вот гадство! Шишка будет.

– Дайте посмотрю, что у вас там.

В два коротких шага я сократила расстояние между нами и осторожно притронулась к коротким волосам на затылке

мужчины, когда он покорно опустил голову.

Да, шишка будет знатная! Уже наливается.

– Нужно приложить лед.

Мне стало совестно. Я ведь, и правда, летела как угорелая, ничего не видя перед собой. Выходит, виновата я.

– Простите, это я на вас налетела.

– Обязательно прощу, если раскроешь тайну своего имени.

Ох, он еще и флиртует! Мелочь, а приятно!

Кинула быстрый взгляд на правую руку мужчины – кольца нет. Странно. Выглядит он лет на сорок. Обычно в этом возрасте все нормальные мужики давно женаты. Может, просто кольцо не носит? Хотя какая мне разница?

– На то она и тайна, чтобы ее никому не раскрывать, – кокетливо улыбнувшись, включилась в игру я.

А что? У меня уже год не было секса. Хоть пофлиртую немножко, а то я забыла, как это делается. И объект ничего так попался.

Интересненький!

Здоровый такой, как медведь. Нет, как лось! Сразу видно, что у мужика кость широкая. Косая сажень в плечах, кулаки размером с мои два. Такой весь гранитно-монолитный, как забор у моей соседки. Впечатление портит только угадывающийся за дорогим пиджаком живот, но даже этот недостаток легко компенсировался невероятно обаятельной улыбкой и живыми пронизательными глазами, в которых сейчас пляса-

ли веселые искорки.

– Василий Михайлович! – раздалось рядом.

Я повернула голову и увидела подошедшего к нам молодого человека.

– Я вас обыскался. Там Мила костюм привезла. На этот раз – тот. Я проверил, – сказал он, и меня точно прострелило стрелой узнавания.

Это ж тот самый автохам, что подрезал меня на «БМВ». Перевела подозрительный, чуть прищуренный взгляд на Лося.

Точно! А это его наглый пассажир, которому я не так давно «дорогу показывала».

Вот ведь чмо подзаборное!

А я с ним тут кокетничаю, глазками хлопаю, а он блондинок за рулем обижает.

– Мне машину потом куда подогнать? – между тем, спросил молодой человек у Лося.

Я чуть не поперхнулась воздухом от возмущения. Так парень еще и водитель этого пришибленного! А значит, Лось автоматически становится наиглавнейшим двуличным хамлом.

– Домой езжай. Я сам поеду, – отвечает тот и смотрит масляными глазками на меня. – А ты во сколько заканчиваешь свой концерт, зайчика?

Сначала хотела наглубить Лосю, чтобы больше неповадно было, и даже открыла рот, собираясь высказать ему все, что

думаю, но меня перебило визгливое:

– Зая!!! – Последний раз Марик так орал, когда близнецы твердо решили стать настоящими пожарными, то есть что-нибудь потушить, но для этого ведь нужно сначала что-нибудь поджечь. Они же не виноваты, что под рукой в том момент оказались новенькие глянцевые афиши «Теремка».

Я обернулась. Начальник летел ко мне на всех парах, отчего бумбончик нещадно бился о его гениальный затылок.

– Зая, где ты пропадаешь?! Твой выход. Я тебя уже десять минут ищу по всему корпусу, – на одном дыхании выпалил он и побежал обратно за кулисы.

Я, разумеется, двинулась за ним, но не тут-то было: Лось перехватил меня за руку.

– Ты не ответила. Когда заканчивается ваше...м-м-м...мероприятие, – мурлыкнул мужчина, проникновенно заглядывая в глаза и тут же нагло косясь на порванное декольте.

И взгляд такой открытый, искренний! Прямо так и хочется еще шишку поставить, но вместо этого, мило улыбнувшись, отвечаю:

– Через полтора часа. А вы хотели подвезти меня?

– Конечно! – обрадовался Лось. – Я же должен как-то загладить вину за ваш порванный костюм.

П-ф-ф, нашел предлог, называется! Я бы посмотрела на твою вытянувшуюся лосинную морду, если бы в твой «БМВ» я загрузилась вместе со своими «хомячками».

– Это было бы очень кстати, – проворковала я. – Ждите

меня у центрального входа через полтора часа. Я буду.

Напоследок подарила ему улыбку из раздела «сногсшибательные» и поскакала отрабатывать свой актерский хлеб. А то там кот Базилио и Лиса уже по пятому кругу импровизируют.

Глава 3

Царь.

Господин Луганский терпеть не мог всякие выступления на массовых мероприятиях. К его прискорбию, публичность была неотъемлемой частью обязанностей главы администрации. И поскольку у района должно быть в представителях интеллигентное лицо приятной наружности, то Васе, хоть умри, но нужно выглядеть было бодрячком.

И как он ни плескал в лицо холодной водой, красные глаза и помятый вид с головой выдавали его состояние.

Да, видать, старость пришла. Они вчера и выпили-то всего ничего, каких-то три бутылки, а башка трещит так, словно их было шесть.

Похмельный синдром не мог не сказаться на его настроении. Уже с утра его стало все бесить до чертиков, и подчиненные, те которые имели возможность слиться с окружающим пространством, рассосались по углам, оставляя Стасика единолично отдуваться за всех.

Пока ехали в детский садик, попали в небольшой затор из-за дорожных работ. Стас привычно вырулил на встречу и хотел снова влиться в ряд, прижав чей-то отечественный тазик, но не тут-то было: баба за рулем развалюшки гневно посигналила и одарила Стаса презрительным взглядом.

– Ах ты, мартышка упертая! – буркнул Стас и снова попы-

тался выставить нос, но блондинка и тут среагировала быстрее.

Приоткрыв окно, эта поганка показала охреневшим от такой борзости мужчинам средний палец и, ударив по газам, обогнула асфальтоукладчик, оставив их ждать своей очереди.

– Во бабы наглые пошли!– почти с восхищением пробормотал Стас, но Луганский не был бы Царем, если бы не имел на все своего особого мнения.

Вторым неприятным моментом стало то, что Мила все же сподобилась доставить костюм, но чужой, размера на три меньше того, что носит Луганский.

Тихо матерясь сквозь зубы, Царь выставил трясущуюся Милку из провонявшей краской подсобки и хлопнул дверью под сопровождение злобного рыка:

– Еще хоть раз накосячь! Уволю, к чертям собачьим!

Чтобы хоть как-то успокоить нервы, достал сигарету и, открыв окно, прикурил, услаждая свой эстетический глаз аккуратными клумбами.

Внезапно сбоку слышался какой-то подозрительный шум и чье-то тихое пыхтение.

Вася повернул голову, и сигарета выпала из шокировано приоткрытого рта.

На отливе соседнего окна висел огромный плюшевый заяц и активно дрыгал несоразмерно большим задом в попытке сползти еще пониже.

«Допился, бя!» – подумал Царь, и в следующую секунду заяц с тихим писком полетел вниз и исчез в густых зарослях сирени.

Луганский потянулся за пачкой сигарет и понял, что та упавшая была последней.

Вот, черт! А курить-то хочется...

Что за дурной день?

Послать Стаса до магазина? А это мысль!

Луганский торопливо вышел из подсобки и свернул за угол, пытаясь припомнить, с какой стороны тут выход, как на него налетело нечто с огромными ушами и раскатало по глянцевою кафелю коридора, послав практически в жесткий нокаут.

Придя в себя от удара, он сначала не поверил своим глазам: нечто оказалось тем самым плюшевым зайцем, вернее, миловидной особой с бездонными голубыми глазами, которые сейчас пылали гневом в ответ на его нелестное замечание.

Заинтересованный мужской взгляд скользнул ниже, да так и застыл при виде двух шикарных в своей полноте округлостей четвертого размера в обрамлении соблазнительного кружевного белья, которые так неосторожно открыл порванный ворот заячьего костюма.

Мужчина глухо сглотнул, когда обладательница этого великолепия быстро прикрыла безобразие и укоризненно установилась на него со словами:

– Вы мне костюм испортили.

Но Луганский не был бы собой, если не знал, как лучше повернуть ситуацию в свою сторону, и уже вскоре обладательница роскошного бюста с легкостью согласилась на встречу после праздника. Белоснежная зайка подарила ему о-о-очень многообещающую улыбку и упорхнула за кулисы сцены.

Глядя ей вслед, Вася подумал, что зря грешил на сегодняшний день. Да, утро не заладилось, но вечер обещал быть интересным и, быть может, даже жарким.

С этими мыслями глава района, заметно приободрившись, поспешил переодеваться. Настроение поднялось до нужной отметки. Даже курить расхотелось, и оставшееся время до обещанной встречи, подогреваемый видениями аппетитных округлостей в своих ладонях, он с энтузиазмом отработал обязательную программу.

Не то чтобы Василий Михайлович испытывал недостаток женского внимания –наоборот, женщин всегда было слишком много в его жизни. Сначала их привлекала его высокая широкоплечая фигура, после, когда возраст стал сказываться на внешности, – положение в обществе. Но после развода он все чаще ловил себя на мысли, что ему скучно. Дамы в его окружении внезапно стали как-то однообразно пресными. И если раньше Луганского вполне устраивали меняющиеся как перчатки любовницы, то в последнее время все это набило оскомину. Пожалуй, он, наконец, дожил до того возраста, когда нужно остепениться.

Прав был Саныч, когда говорил, что Васе нужна нормальная баба.

Да где ж их, нормальных, найдешь?!

Была одна нормальная, Женька Яковлева, и ту по своей глупости упустил. Думал, с женой наладится, а оно вон как все обернулось...

Тряхнул головой, отгоняя невеселые мысли и посмотрел на часы.

А Зайка опаздывает. Спектакль уже давным-давно закончился. Сколько ей нужно было времени, чтобы переодеться?

Помнится, бывшая могла часами вертеться перед зеркалом. Женщины – что с них взять?

Луганский тоскливо вздохнул и любовно погладил блестящий капот своего «БМВ», не забывая поглядывать на калитку садика. Не хватало еще пропустить появление Зайки!

Интересно, а она светленькая или темненькая? Под плотно облегающим капюшоном не было видно, какие у Зайки волосы.

Луганский всегда предпочитал брюнеток, причем стройных, с едва заметными округлостями. Чего его в этот раз переклинило?

А черт его знает!

Правильно говорят: седины в бороду – бес в ребро.

Понравилась. Вся такая беленькая, пухленькая, с этими огромными глазищами. Но с характером. Это Луганский по-

нял сразу.

И сейчас, в пятый раз поглядывая на часы, стал думать, что этот ее характер мог самым гадским образом заставить его специально нервничать.

А еще через полчаса до Васи стало доходить, что эта вредная характерная Зайчиха самым подлым образом продинамила его.

Продинамила! Его!

Да его со школы не кидали подобным образом!

Злость клокотала и требовала выхода. Как назло рядом не оказалось верного Стасика, который с присущим только ему хладнокровием всегда пропускал мимо ушей вспышки руководства.

Потоптавшись еще минут двадцать на опустевшей площади, нарезав для успокоения нервов семь кругов вокруг своей крутой отполированной тачки, Луганский грязно выругался и поехал домой.

Заехал в продуктовый магазин, накупил вредных и невкусных полуфабрикатов. Готовить-то дома некому! Покопился на бутылку водки.

Брать? Не брать?

Взял две и поехал домой.

Дом встретил все той же могильной тишиной.

Может, кота завести?

Сварил пельменей, опрокинул стопку водки, закусил, давась картонным вкусом мяса. Пора на боковую к телевизору?

А он все никак не может успокоиться.

Зайчиха, чтоб ее!

Ну, как так можно, а?!

Он же ждал. Надеялся. Витал в сладких грезах. Думал приятно, и самое главное – продуктивно провести вечер.

А что вышло?

Диван, телевизор и водка.

Кстати, о последней...

Луганский снова хлопнул стопочку, закусил пельменчиком и побрел искать пульт, сделав из сегодняшнего дня единственный вывод: все бабы стервы, а Зайчиха в особенности.

Вот и женись на них после этого!

Зайка.

Бегство из сада было похоже на секретную шпионскую операцию. Я попросила у Людмилы Васильевны красивую соломенную шляпу с широкими полями, которую женщина обычно носила, когда гуляла с детьми на солнце, и напялила ее.

В том, что Лось ожидал меня возле главного входа, я даже и не сомневалась, поэтому пройти мимо него нужно было, не привлекая лишнего внимания. Конечно, можно было воспользоваться запасной калиткой, но с учетом того, что моя старушка стояла на одной парковке с его черным монстром, то этот маневр в принципе терял смысл.

Быстро собрала детей, поправила шляпу и, стараясь двигаться, как можно естественнее, поспешила к машине.

Лось обнаружился подпирающим локтем капот своей буржуйской тачки.

И зря я переживала!

Он даже ухом не повел, когда мимо него прошла женщина в шляпе с тремя детьми и начала с шумным ворчанием пристегивать не желающих сидеть смирно близнецов.

Что и требовалось доказать! У мужиков все мозги в одном месте, и отношения к голове оно не имеет никакого.

Уселась на свое место, пристегнулась и в последний раз бросила взгляд на мужчину.

Он продолжал стоять, изредка посматривая на часы и хмурясь.

Что за мужики пошли?!

Даже цветов купить не додумался!

Типа, я и сам как подарок.

Ненавижу такой тип мужчин! Красиво снаружи, но слишком пусто внутри. Они считают, что если у них есть деньги, связи и положение в обществе, то женщина, на которую упадет их божественный взгляд, должна пасть ниц, и желательно – сразу на постель, уже готовая, доступная, и делать все сама ради его удовольствия.

Тьфу! Как подумала, аж противно стало!

С какой-то совершенно необъяснимой злостью я завела старушку и помчала домой, решив, что на ужин нужно сде-

лать отбивные.

А что?

Знаете, как хорошо помогает спустить пар?

Пока ехали, близнецы без умолку обсуждали новую компьютерную игру, Настя пересказывала новую серию «Винкс», а я слушала их всех вполуха и, призывая остатки терпения, планировала бюджет на следующий месяц. По моим прикидкам, снова выходило, что расходов больше, чем доходов. В этом месяце я сильно потратилась, чтобы привести нашу дачу в божеский вид. После зимовки и сурового половодья в двух комнатах отлетели обои, вот и пришлось переклеивать, перекрашивать. Опять же, каждый сезон приходится тратиться на семена, рассаду, садовую утварь, хотя, казалось бы, у меня огород – обхохочешься. У соседки в пять раз больше.

Подсчитывая в уме затраты, сделала неутешительный вывод, что содержание дачи я не тяну, но с другой стороны, жить летом в двухкомнатной квартире с четырьмя детьми – это смертоубийство.

А еще нужно детям обновить летний гардероб.

Боже, лучше бы я об этом не думала!

По пути мы заехали в сельский магазин за хлебом и молоком. Вот за что люблю деревенскую жизнь – здесь хлеб всегда свежий, ароматный, с хрустящей корочкой. А уж как он пошел с отбивными!

М-м-м...

У детей только за ушами трещало.

Да-да.

В большой семье дети не промах – едят все без капризов.

Помнится, первый год я вообще не отходила от плиты, стараясь всем угодить, особенно мужу, перед которым испытывала сильное чувство вины за сложившуюся ситуацию. Шутка ли это – наготовить, учитывая все вкусовые предпочтения! Уставала я тогда невероятно!

После ухода Егора, перед самым выходом на работу, однажды я сварила большую кастрюлю борща, а эти спиногрызы отказались есть со словами:

– Фу, я не люблю лук!

– Бе, здесь помидоры.

– Я не буду есть суп!

Я тогда тихо опустилась на табуретку и заплакала от охватившего меня отчаяния. Маленькая Настя заревела следом, а мальчишки растерянно хлопали глазами, не понимая, что произошло.

А я никак не могла успокоиться. Силы уходили вместе со слезами, и, почувствовав себя совершенно опустошенной, дрожащими руками подняла Настю на руки и ушла в спальную.

Через полчала, успокоившись и уложив девочку в кроватку, заглянула к мальчишкам. Близнецы смотрели мультики, Данил не отрывал глаз от ноутбука.

Вздыхнула и поплелась на кухню, чтобы приступить к готовке любимых котлет Данила, и замерла на входе нашей микроскопической кухни.

Три полные тарелки с борщом были совершенно пустыми. Шесть кусков хлеба также исчезли.

Не веря своим глазам, заглянула в кастрюлю. Была у близнецов такая манера – выливать суп обратно.

Да нет, все как было. Даже показалось, что на пару половников в кастрюле меньше стало.

Со странным щемящим чувством в области груди вернулась в комнату. Остановилась в дверях и, опершись о косяк, посмотрела на самого старшего.

– Спасибо, ма, – не отрывая глаз от монитора, сказал Даниа. – Вкусный был суп. Ты завтра еще такой вари.

Близнецы с умным видом покивали в знак согласия, а мне снова захотелось плакать, а еще зацеловать этих маленьких проказников, что я, собственно, и попыталась сделать, приобняв Данила, так как он сидел ближе всех.

– Э-э-э, меня сейчас зомби сожрут! – возмутился он, отбиваясь от меня. – Иди уже, посуду мой.

Я еще пару раз потрепала его по темноволосой голове и, абсолютно счастливая, пошла мыть пустые тарелки.

Сейчас воспоминания уже слегка притупились, но оставили от себя легкий флер грусти. Детки растут, и мне становится легче в бытовом плане.

По старой привычке, убираю со стола остатки еды в хо-

лодильник, смахиваю хлебные крошки и завариваю густой черный чай.

Дети в кроватях, на кухне чистота. Наконец, настало мое личное время. Время, когда я могу немного расслабиться и не думать о проблемах и заботах хотя бы тридцать минут.

Наливаю себе большую кружку чая с молоком, прихватываю тарелку с печеньками и иду на улицу, где в тени большой вишни меня ждут уютный гамак, плед и роскошное в своем ночном мерцании звездное небо.

Пристраиваю попу на гамак, делаю глоток чая и, открыв на телефоне новую книжку любимого автора, собираюсь почитать. Но не тут-то было! Рано я расслабилась.

Телефон вибрирует, и на экране высвечивается «Егор».

Вот что ему от меня опять надо?!

Впрочем, что надо, и так понятно. Именно поэтому притворяюсь слепой, глухой, умалишенной и игнорирую звонок.

Вы думаете, этот гад отстал?

Только я заново вчиталась, как телефон снова начал вибрировать.

И так пять раз.

На шестой нервы мои сдали, и я подняла трубку со словами:

– Вот чего тебе не спится?! Ночь на дворе!

Благоверный, не ожидавший, что я сподоблюсь с ним поговорить, немного растерянно поздоровался:

– Привет, Ален.

– И тебе не хворать. Чем обязана в столь поздний час? Я вообще-то уже спать легла.

– Алэн, нам нужно поговорить, – сухо говорит он.

И никаких тебе «Зая», «Зайчик», «Зайчонок». Значит, его саблезубая фитоняшка рядом.

– Я тебя слушаю.

– Мы с тобой так и не договорились, когда пойдем подавать заявление в ЗАГС. У меня в среду окно. Давай сходим?

– Егор, мне казалось, что мы с тобой женаты. Боюсь, повторно наше заявление не примут, – меланхолично отзываюсь я.

– Не прикидывайся дурочкой! – Он начал злиться. – В среду подадим заявление на развод.

Ага, сейчас все дела бросила и побежала! Размечтался, глупенький!

– Зачем же так нервничать, милый? – ласково промурлыкала я. – Приезжай ко мне, я тебе чайку мятного заварю. Массаж расслабляющий сделаю.

На заднем фоне стало слышно какое-то странное шипение и приглушенные ругательства.

– Милый, ты куда-то пропадаешь?

– Алэн, кончай этот балаган! – раздраженно рыкнул Егор. – Ты же понимаешь, что твои уловки тут не помогут. Нас могут развести и без твоего согласия по суду всего через месяц.

Как не знать? Все я прекрасно знаю! Но Егору не хочется

ждать этот месяц, потому что Сонечке не терпится выйти замуж именно летом.

– Какой суд, Егорушка?! – зашлась я в притворном ужасе.
– А как же наш ребенок?

– К-какой ребенок?! – заикаясь, сипло спросил муж.
– Тот, которого мы с тобой сделали месяц назад. Я беременна, милый. Ты рад? Я – очень. – Мой голос лмлся ядовитой патокой прямо в трубку телефона.

На несколько мгновений Егор завис, видимо, пытаясь сообразить, блефую я или нет, а я, пользуясь моментом, сладко прошептала:

– Ты был такой страстный в ту ночь, мой котик! Я хочу девочку, а ты?

Охреневший Егор злобно прошипел в трубку:

– Ну, ты и с-с-стерва...

Слушать его я больше не собиралась. Тем более что у Егора благодаря мне появились другие, более важные занятия. Зная Соню, которая сначала делает, а потом думает, я была уверена, что у благоверного на ближайшую неделю теперь все распланировано по секундам. Более того, теперь он всю голову сломает, как доказать что мой мифический ребенок никак не может быть его, поскольку сексом мы в последний раз занимались четыре года назад. Разумеется, на суде я блефовать не стану, расскажу как есть, но муж-то об этом не знает.

Ты хотел развода? Ты его получишь, но перед этим прой-

дешь семь кругов ада, предатель!

Я не питала иллюзий. Все мои ужимки – это просто от безысходности. Конечно, Егор получит развод по суду. В моих силах лишь немного отсрочить этот момент, но не более. Следовательно, нужно было как-то серьезнее подойти к решению проблемы с опекой. Безвыходных ситуаций не бывает, а в моем случае самое главное – с умом подойти к проблеме. Но об этом все же лучше подумать завтра.

Со вздохом закрыла книжку и пошла спать.

Завтра выходной, а, значит, грядет большая уборка.

Глава 4

Зайка.

Понедельник выдался жарким.

Наш небольшой городок плавился под ярким майским солнцем. Весенние лучи довольно опасная штука, поэтому я быстрым шагом, практически бегом пересекала центральную площадь, старательно пряча лицо под широкими полями мягкой шляпы.

После обеда к палящему солнцу присоединился назойливый ветер, и теперь приходилось идти, одной рукой придерживая соломенное безобразие на голове.

Ненавижу головные уборы, но приходится терпеть!

У меня слишком белая кожа, и на солнце она моментально сгорает. Как-то не хочется становиться похожей на рака и пугать и без того впечатлительных дам нашего коллектива.

В воскресенье вечером у меня созрел в голове план действий, согласно которому я не без проблем, но вполне смогу легализовать все свои доходы и выйти на нужный уровень заработка, чтобы официально содержать племянников без поддержки мужа.

Конечно, сам факт развода не характеризовал меня с положительной стороны, но, в конце концов, мало ли пар разводится. Тем более что инициатива будет исходить не от меня, а от Егора. А там можно будет легко присесть на уши

тетушкам из органов опеки. Все они женщины. Самое главное – формальности соблюдены. Жилье есть? Не самое шикарное, но есть. Дети одеты, обуты, накормлены. Я со всех сторон положительный молодой педагог. А самое главное – необходимый уровень дохода подтвержден.

Дело осталось дело за малым. Первое – доход от квартиры оформить, как полагается, по договору, а второе – официально устроиться педагогом в Детской школе творчества.

Таким образом, с натяжкой, но я выходила на нужный уровень.

В школе творчества помимо работы в театральном коллективе я веду по воскресеньям кружок танцев для самых маленьких. Наш руководитель Наталья Георгиевна, широкой души женщина, обещала устроить меня официально на полставки.

Именно поэтому я сегодня, отпросившись с работы, первым делом побежала к ней.

Школа располагалась в большом трехэтажном здании постройки восьмидесятых годов прошлого века. Здесь отлично размещались большой актовый зал, спортзал, танцевальные и музыкальные классы – как для детей, так и для взрослых.

Вы не поверите, но в последнее время люди среднего возраста стали активно интересоваться танцами, а все благодаря нашему новому хореографу Ксении. Ее мастерство современного танца, невероятная харизма и красота привлекали народ.

Хотите сказать, что в российской глубинке некогда танцевать? Как бы не так!

У нас один из крупнейших райцентров области, и молодежи благодаря новым производствам здесь сейчас очень много. Садик, вон, забит до отказа. Не зря же пришлось строить новый корпус: мест не хватает.

В кабинете Натальи Георгиевны царит странное оживление. В громком мужском голосе я моментально узнаю Марика и поэтому без опаски открываю дверь и заглядываю внутрь со словами:

– Тук-тук! Можно к вам?

Наталья Георгиевна как-то устало вздыхает и кивком приглашает в свой светлый просторный кабинет.

– Привет! – с улыбкой поздоровалась с понурым Мариком. Тот сидел на неказистом стуле, опустив голову. – А чего вы такие печальные?

– А что, нам веселиться, что ли?! – бросила женщина с совершенно не характерной ей злостью.

В ответ на мой недоуменный взгляд Марик, трагически понизив голос, протянул:

– Выгоняют нас, Зая. Выгоняют...

И Наталья Георгиевна передала мне лист формата А4 – распоряжение администрации районного отдела образования.

Я опустилась рядом с Мариком на соседний стул, и пока пробегалась глазами по строчкам документа, директриса

гневно проговорила:

– Они нас решили сбавить в здание бывшего ремонтно-строительного управления. За кладбище! Даже дальше военкомата! Ты представляешь?! Мы двадцать лет в этом здании. Двадцать! Там же нет ни актового зала, ни спортзала. А как оборудование перевозить? Да там кабинетов в половину меньше!

– А что они собираются делать с этим зданием? – перестав читать, поинтересовалась я.

– А шут их знает! – пожала плечами Наталья Георгиевна. – Может, под какой-нибудь торговый центр отдадут. Взятчники!

– Да ладно! – не поверила я. – Быть такого не может!

– Очень даже может! – подал голос все время молчавший Марик. – Район наш очень быстро развивается, земля дорожает, а школа в самом центре с большой прилегающей территорией.

– Кому нужен торговый центр в нашем захолустье?

– Захолустье захолустьем рознь, – возразила Наталья Георгиевна. – Скоро в нашем районе начнется строительство объездной федеральной трассы.

– Трассы? – удивленно вскинула брови я.

– Об этом уже неделю в новостях рассказывают, – повернулся ко мне Марик. – Зая, ты вообще телевизор смотришь?

Чувствуя, как начинают смущенно пылать щеки, ответила:

– Смотрю... мультики...

– Понятно, – усмехнулся наш режиссер. – Тогда прими к сведению: объездная шестиполоска построена не для того, чтобы ты быстро до дачи добиралась. Это только кусочек трассы.

– А-а-а... – со знанием дела протянула я. – Понятно.

– Да ничего тебе не понятно! – возмутился Марик. – Ты знаешь, что мы только что лишились нашей театральной студии?

– Это как?

Наталья Георгиевна поднялась, достала из шкафчика ополовиненную бутылку дешевого коньяка и щелкнула кнопкой электрического чайника.

Похоже, кто-то собрался подлечивать нервишки кофе с коньяком.

Наш гений мгновенно встрепенулся, узрев в пределах досягаемости коньяк, и, подарив нашей директрисе одну из своих самых очаровательных улыбочек, попросил:

– И на мою долю, будьте любезны.

Наталья Георгиевна, прекрасно осведомленная о пристрастии мужчины к алкоголю, хотела отказать, но не зря Марик гений. Только у него, одного из всей нашей труппы, получается строить глазки Кота в сапогах из Шрека. Разве выдержит это зрелище женское сердце, тем более, такое душевное, как у нашей директрисы?

– Алэн, ты будешь?

Я отрицательно покачала головой и, дождавшись пока Наталья Георгиевна наведет кофе, спросила:

– Так что там со студией?

– Я же говорила, что новое здание маленькое, – делая глоток суррогатного кофе с коньяком, начала объяснять она. – Отдел образования вынуждает меня сократить штат сотрудников и секции. – И, подумав, добавила: – Значительно сократить.

До меня стало, наконец, доходить, к чему она клонит.

– Наталья Георгиевна, а как же мои полставки?

– Извини, Ален, – расстроено произнесла она. – Мне даже Ксюшу придется уволить.

Осознание, что мой тщательно продуманный план летит собаке под хвост, не заставило себя ждать. С этим гребаным переездом я автоматически теряю не только официальное трудоустройство по совместительству, но и еще доход от танцевального класса. Какой бы он скромный ни был, но у меня каждая копейка на счету.

За театральную студию я не переживала: предприимчивый Марик обязательно что-то придумает.

Вот сейчас раскрутит Наталью Георгиевну на вторую порцию кофе с коньяком, а может, и коньяка без кофе, гениальные мозги заработают, и он в два счета найдет нам помещение.

Марик допил кофе, как-то оценивающе посмотрел на меня и с видом человека, которому пришла идея, как зарабо-

тать миллион, хлопнув себя по лбу, осторожно поинтересовался:

– Зая, у тебя же квартира летом свободная?

Я угрюмо кивнула, еще не понимая, какая подстава мне светит, а Марик расплылся в широкой улыбке и заявил:

– Отлично! Ты же не будешь возражать, если мы временно перевезем весь наш реквизит к тебе? – И обезоруживающе улыбнулся самой честной улыбкой.

– Нет. Меня соседи убьют. – Я мгновенно покрылась холодным потом, прекрасно зная, что Марик теперь с меня, тепленькой, не слезет.

– Да ладно! – только и отмахнулся этот гений – чтоб его собаки покусали! – Не трусь. С соседями я договорюсь.

Непонятно, как он собирался договариваться с нашим соседом справа – суровым байкером, у которого шея толще, чем у Марика талия. Он ходит в качалку три раза в неделю и очень, ну, просто очень любит поспать. Как вы думаете, сосед оценит «Кузнечика» в исполнении нашего гения в девять часов утра?

– Наталья Георгиевна, может, можно что-то сделать? – чувствуя, как горечь безысходности стискивает горло, спросила я.

– Что?

– Я не знаю. Жалобу написать на имя главы района. Подписи работников школы собрать.

– Не думаю, что это поможет, – скептически покачала го-

ловой директриса.

– Но нельзя же сидеть сложа руки! – с жаром воскликнула я. – А если завтра власти решат, что нам и музыкальная школа не нужна? Будем молча терпеть? Да как они могли покуситься на нашу школу?! Здесь же дети учатся! Не поможет глава – мы дальше пойдем. Да! Есть же и на них управа в областной администрации.

– Поддерживаю, – поддакнул Марик, незаметно для всех подливая побольше коньяка в кофе.

Наталья Георгиевна задумалась, барабаня маникюром по столешнице стола, и наконец, чуть приосанившись в кресле, решила:

– Хорошо. Давайте попробуем. Алена, садись ближе. Будем сочинять.

Я пододвинула стул и впилась взглядом в монитор компьютера, краем глаза заметив движение у двери.

– Ну, я пошел реквизит собирать, – отмазался Марик и вздумал смыться, оставив нас одних решать бумажные проблемы.

– Куда?! – рыкнула я на свое ленивое начальство. – Давай, помогай, коль вызвался!

– Я? – не понял Марик, но, заработав от Натальи Георгиевны яростный взгляд, мгновенно преобразился. – Помогу. Конечно, помогу! Как не помочь?! – И почесал затылок. – Подпиши собрать помогу.

И с этими словами тихо пристроился в уголочке, изредка

поглядывая на нас.

Через час петиция на двух листах была готова. Осталось только собрать подписи, и – вперед и с песней, можно идти на штурм районного отдела образования.

Царь.

Правда ли, что хуже злой женщины может быть только безответно влюбленная женщина?

Луганский считал, что это прописная истина.

Иначе зачем Алле Стефановне так издеваться над собственным начальником? Третий час подряд идет совещание по вопросу одной заезженной уже за неделю темы: квартальный бюджет района.

Блин, эта долбаная ненавистная экономика преследует его даже на этом, казалось бы, вольготном месте!

– Вот, посмотрите. – Стефановна сунула Царю под нос бумажку с какими-то загогулинами. – У нас дефицит бюджета. А все из-за чего? Из-за того, что отдел образования решил район по миру пустить.

Вася и так, и эдак вертел документы, силясь понять их назначение. Какие, к черту, графики и коэффициенты?! Твою мать, да она над ним просто измывается!

И сразу накатило отдающие приятным послевкусием воспоминание. Как же хорошо и легко было работать с Женькой! Они понимали друг друга с полуслова.

– Алла Стефановна, а вы не могли бы оказать любезность и объясниться русским языком? А то мы тут все производ-

ственники, педагоги, строители, и мало смыслим в ваших этих... м-м-м... ну, вы поняли...

Главный экономист района статная дама лет сорока, иронично изогнула идеально прорисованную бровь.

— Мне казалось, здесь все предельно ясно. К вашему сведению, Василий Михайлович, я работаю четко по инструкциям Минфина.

Вот ведь стерва недотра... недолюбленная!

Все проблемы Луганского с отделом планирования и экономики начались в связи с уходом на пенсию предшественница Аллы Стефановны, которая, к слову, появилась в его царстве по просьбе вышестоящего руководства.

Разведенная, крашеная силиконовая фифа с сильно завышенной самооценкой сразу заметила уже на тот момент холостого начальника и развернула серьезную кампанию по завоеванию его сердца.

Завоевала. Но другой орган. И даже получила его в безраздельное пользование на две ночи подряд.

Луганский же в своей излюбленной кобелиной манере почти сразу переключился на чьи-то другие прелести и забыл о фифе.

А она не забыла.

И поминает до сих пор, не оставляя попыток прикарманить уже два самых жизненно важных органа в свои вампирьи когти.

Именно такие ассоциации у Васи вызывал ее яркий мани-

кюр.

Отчего-то вспомнились нежные, без намека на лак, пальчики Зайки, которыми она сжимала ворот своего нелепого костюма, и глупая мечтательная улыбка расплзлась по суrowsой физиономии Царя.

– Вы меня слушаете? – раздался над ухом недовольный голос крашеной пираньи.

– Да-да. – Луганский честно пытался сосредоточиться и вникнуть в то, что так заунывно рассказывала Пиранья Стефановна, но вместо графиков перед глазами так и стояли задорные заячьи ушки и сногсшибательная улыбка нахальной динамщицы.

И ведь уже несколько дней из головы не выходит Зайчиха упертая!

– Ты какой-то в последнее время странный, – заметил Саныч, когда вконец утомленный обмусоливанием финансовых документов Луганский выдворил всех замов из кабинета.

– Правда? – удивился Вася.

Саныч, не сводя с друга подозрительного взгляда, резюмировал:

– Бабу новую подцепил.

– С чего это ты взял? – вскинул брови Вася.

– Больно у тебя рожа дебильная.

– Ну, спасибо, друг! – расхохотался Вася. – Обласкал!

Саныч хотел еще что-то сказать, но подозрительный шум

в приемной заставил их обоих замолчать.

Разговаривали на повышенных тонах. Один принадлежал заму Луганского Олегу Еременко, а второй – женщине. И в этот момент она гневно рычала на мужчину:

– Как это ваш секретарь не регистрирует?! По какому праву вы отказываетесь принимать жалобу?!

Олег, точно змея, неразборчиво шипел в ответ, на что женщина решительно заявила хорошо поставленным голосом:

– Ах, так?! Отлично! Тогда я не уйду отсюда, пока не пообщаюсь лично с главой района. Как там его по имени-отчеству? Занят?

Тихий шелест перепуганной Милы в ответ и уверенное – от посетительницы:

– Я даже и не сомневалась. Ничего страшного, я подожду. Мужчины переглянулись и синхронно поднялись, чтобы удовлетворить закономерное в данной ситуации любопытство.

Вася тихонько приоткрыл дверь и с жадным интересом уставился на открывшуюся ему картину.

Скандальная посетительница стояла к нему спиной, и первое, во что уперся взгляд – толстая золотая коса до самой талии, аппетитная круглая попка и стройные ноги, обтянутые летними белыми брюками.

– Охренеть! – раздался рядом восхищенный шепот завхоза. – Я бы не отказался принять такую красоту. А твой Оле-

жек точно по девочкам?

Луганский грозно показал зарвавшемуся другу кулак, на что тот только хмыкнул, и на этот звук оказался слишком громким, чтобы его не услышать.

Блондинка обернулась, и Царь мгновенно узнал в ней свою наглую Зайку и расплылся в предвкушающей улыбке.

«Вот мы и встретились, Зайчонок. Не прошло и пары дней»

Судя по кислому выражению лица блондинки, она его тоже узнала и теперь явно прикидывала, как лучше себя вести. Луганский думал, она стушует и покраснеет, но не тут-то было.

Зайка медленно повернула голову в сторону нервно перебирающей бумаги Милы и ядовито произнесла:

– А вы говорили, у него совещание. Кончилось уже?

– Д-д-а... – заикаясь, выдохнула Милочка и перевела беспомощный, полный раскаяния взгляд на начальника.

Луганский не растерялся, шагнул в приемную и властным тоном поинтересовался:

– А вы, собственно, по какому вопросу? И почему устраиваете скандал в моей приемной?

Бездонные глазищи Зайки на мгновение расширились и тут же зло сверкнули.

– Я – к вам! По жизненно важному! Ваши сотрудники... – Тонкий пальчик указал на дверь трусливо сбежавшего Олега. – Отказались принять у меня жалобу.

– Да что вы говорите?! – деланно возмутился Вася и перевел грозный взгляд на Милу, которая была уже на грани обморока и побледнела, почти слившись цветом лица с белыми обоями. – Мы обязательно разберемся с этим недоразумением и накажем виновных.

На Милочку было жалко смотреть. Но ничего, предстоящая перспектива увольнения как никогда стимулирует ее сообразительность.

– А пока – прошу... – Он жестом пригласил её указал в свой кабинет и не без удовольствия заметил, как напряглась Зайка от перспективы остаться за ним наедине. – Будем решить ваши жизненно важные проблемы.

На секунду Зайка стушевалась, и глаза ее испуганно забежали в поисках путей к отступлению, но Луганский не дал ей такой возможности. Он первым шагнул в кабинет, и девушке не оставалось ничего иного, как шагнуть следом.

Позволил ей пройти чуть вперед и устроиться на стуле, а сам плотоядно улыбнулся, не выпуская из поля зрения аппетитно колышущиеся верхние округлости.

Вот ты и попалась, сладенькая!

Сейчас ты за все-все ответить, динамщица ушастая!

Зайка.

Нашу с Натальей Георгиевной петицию у меня просто отказались принять.

Нет, вы представляете?!

Отказались они!

Да мне даже бывший муж через раз отказывает!

Переругавшись с какой-то длинноносой выдрой из отдела образования, который располагался на первом этаже этого адского места я, недолго думая, собрала свои драгоценные бумажки с подписями и почесала на второй, вознамерившись твердо добиться справедливости.

В приемной главы района на кожаном кресле чинно восседала молоденькая профурсетка приятной наружности.

– Добрый день! Ваш начальник на месте? – с ходу выпалила я, уже порядком заведенная предыдущим общением с длинноносой.

Девушка модельной внешности хлопнула глазками и ответила:

– Извините, но сегодня неприятный день. Глава принимает по средам, с часу до трех.

Ах, он еще и работает тут через раз! Правильно сказала Наталья Георгиевна: все они тут взяточники и лентяи.

Я оценивающе покосилась на дверь с табличкой первого заместителя и решительно потянула за ручку.

– Эй, вы куда?! – взвизгнула девица, и на ее не обремененном интеллектом личике появилось ошеломленное выражение.

Похоже, в ее приемную еще ни разу не заявлялись такие беспардонные особы, как я.

– К Олегу Викторовичу, конечно! – Я оскалилась в улы-

бочке и тихонько приоткрыла дверь.

С первым замом разговор так же не заладился. Сначала он осматривал меня масляными глазками, потом прочитал мои документы, выслушал и отправил обратно в отдел образования.

Как так-то?!

Пыталась объяснить, что у меня там бумаги не принимают, но, наверное, легче со стеной разговаривать.

Я ему про одно – он мне про другое. Я ему два слова – он мне десять.

В итоге я опять вспылила и, вылетев, как Медуза Горгона, обратно в приемную заявила перепуганной профурсетке, что буду писать жалобу. Но и ее у меня отказались принять!

– Ах, так?! Отлично! Тогда я не уйду отсюда, пока не пообщаюсь лично с главой района. Как там его по имени-отчеству?

Девушка побледнела и проямлила:

– Но у него совещание. Он занят и освободится не скоро.

Пф-ф! Нашла чем испугать!

Деточка, не на ту напала! Мне после пяти часов непрерывного просмотра Свинки Пеппы ничего в жизни вообще не страшно. Не нервы, а суперстальные тросы!

Я уже смиренно собралась присесть на удобного вида диванчик, когда за спиной послышались какие-то странные звуки.

Обернулась.

Дверь главного начальника этой адской канцелярии был открыта, а в проеме застыл отлично мне знакомый Лось и маленький плотный дядька с хитрыми глазами.

Лось, разумеется, меня узнал и тут же расплылся в ухмылочке.

Я мгновенно прикинула, что маленький мужичок никак не может быть главой района, и выходило, что вот этот хамоватый и жестоко обманутый мною тип и есть господин Луганский собственной персоной.

Хорошо это или плохо, решить не успела, поскольку Лось быстро взял дело в свои руки и сам предложил мне пройти в его кабинет для обсуждения проблемы.

И вот сижу я на краешке стула, тереблю файл с документами и думаю: какой черт меня дернул сбить конкретно этого Лося? Проблем же теперь не оберешься!

Он сам по себе одна огромная проблема. Вон, какими похотливыми глазками смотрит и улыбается! Недобро так улыбается.

– Давайте сюда ваши документы, – наконец, наглядев-шись, проговорил Луганский и с издевкой добавляет, – Простите, не знаю как вас по имени-отчеству.

Сглотнула слюну и ответила:

– Алена. Алена Александровна.

Мужчина забрал у меня бумаги и углубился в их детальное изучение, а я украдкой взглянула на часы.

Время близилось к пяти. Мы договорились с Натальей Ге-

оргиевной, что она заберет моих хомяков из садика. Сначала она сама рвалась отстаивать права школы в администрации, но я разумно предположила, что если дело дойдет до скандала, то её могут снять с должности. А мне, по сути, все равно. Я и так на птичьих правах.

– Не понимаю, в чем суть ваших претензий, – вынес вердикт господин Луганский. – Школа творчества планово должна в этом месяце зарыться на реконструкцию, а потом отойти в ведомство нашего здравоохранения.

– Но почему?

– Школа занимает слишком большое здание. Ее хотели перевести еще пять лет назад, но не сложилось, – пояснил мужчина. – Району жизненно необходим отдельный стационар, но средства в бюджете сильно ограничены, и было принято решение о реконструкции.

Вон оно как! И не придерешься.

– Хорошо, – скрипя зубами, согласилась я. – Но почему тогда нас переводят в невыносимые условия, сокращают персонал? Неужели нельзя было оборудовать несколько дополнительных классов?

Василий Михайлович поднялся со своего места и обошел стол.

– А вот это, Алена Александровна, правильный вопрос, – вкрадчиво произнес он, медленно подбিরаясь ближе. – И я обязательно проведу служебное расследование на предмет расходования денежных средств отделом образования. – Он

зашёл мне за спину и наклонился, опершись рукой о стол. – Деньги на обустройство дополнительного корпуса выделены были, а вот почему не были израсходованы по назначению, мне и предстоит узнать. Но...

– Но?... – чуть дыша, повторила я, глядя на его загорелую ладонь рядом со своей.

– Ты же понимаешь, что должна мне как минимум два свидания, Заинька, и я пальцем не пошевелю, пока долг не будет погашен.

Нечто подобное я предчувствовала.

Чуть отклонилась в сторону, чтобы посмотреть этому меркантильному Лосю прямо в глаза, и в голове возник всего один вопрос:

– Я не поняла: а почему два свидания? С какой это стати?

– Одно – за субботу. Я тебя ждал. А ты, вредина, не пришла.

Хотела сказать, что он меня просто не заметил с детьми, но вовремя прикусила язык. Нечего ему пока знать о детях. Вот как отстроит дополнительный корпус для школы, тогда и узнает. Сюрприз будет.

– Второе – аванс.

– За что? – удивилась я.

– Заинька, – ласково пропел он, – неужели ты думаешь, что я лично разбираюсь со всеми жалобами, письмами и прочей ерундой от граждан?

И улыбается, зараза, во все зубы! Аж кулак зачесался под-

править эту улыбочку, но вместо этого я ответила:

– Мне казалось, вы за это зарплату получаете.

Луганский скривился, выражая все, что он думает о своей зарплате. Тут и ежу понятно, что он не на нее живет от получки до получки. Не то что некоторые. Не будем показывать пальцем.

– Ну, так как? Ты согласна?

Угу. Как будто у меня есть выбор!

– Согласна, – буркнула в ответ.

– Отлично! – обрадовался Лось. – Тогда я за тобой заеду сегодня часиков в девять. Нормально?

Сегодня? В девять? Да он с дуба рухнул!

– Нет, ненормально, – вслух перефразировала я свои умозаключения.

– Тогда завтра.

– Я работаю, – с нажимом прошипела я. – Допоздна.

Луганский заметно помрачнел, выпрямился и, сложив руки на груди, грозно спросил:

– Опять кинуть меня решила?

Боже меня упаси! Я аж сама испугалась такой перспективы!

– Нет, что вы! Я, правда, всю неделю очень занята, – завила Лося и, сделав самые честные глаза, чуть обиженно продолжила: – Давайте в субботу. Где-то в районе семи вечера. И не надо заезжать. Я сама подъеду, куда скажете.

Лось недоверчивым сканирующим взглядом впился мне в

лицо, не удержался там и уехал вниз, где от волнения чуть подрагивала грудь. Да-а-а, этот аргумент самый действенный!

– Хорошо, – с трудом вернув глаза на верхний уровень, согласился мужчина и протянул мне листочек и ручку. – Пиши телефон.

Как прилежная девочка, начеркала ему номер и протянула листочек обратно. Он подозрительно зыркнул и тут же стал набирать цифры на своем дорожном смартфоне. Не доверяет. Чует, что где-то подстава, но не поймет, какая.

Мой телефон в ответ на нехитрые манипуляции Луганского запел модную попсовую песню, и мужчина, успокоившись, снова обаятельно улыбнулся.

– В пятницу созвонимся?

Я кивнула и собралась уходить, но была остановлена:

– Алена! – позвал Лось.

Обернулась, не дойдя до двери два шага.

– Я буду ждать, Зайчонок, – с какой-то особой интонацией негромко сказал он и галантно открыл мне дверь, явно намереваясь проводить.

По телу мгновенно прошла жаркая волна, и я, сухо попрощавшись, пулей вылетела из кабинета, словно за мной сам черт гонится.

На улице остановилась, вдохнула поглубже душный воздух.

Блин! Что это было?

Неудовлетворенные гормоны, Зая!

Глава 5

Зайка.

Неделя пролетела как-то слишком быстро, чтобы я могла успеть морально подготовиться к свиданию.

Нервничала ли я?

Невероятно!

Последний раз на свидание меня приглашал еще Егор. То есть, это было черт знает когда. Я была моложе, красивее и раз в десять увереннее в себе.

Нет. Я знала, что до сих пор красива, но набранные лишние килограммы все равно давили на психику, и даже заинтересованные мужские взгляды не могли изгнать то, что запрограммировано в нас глянцевыми журналами и адской стрелкой на весах.

Лось позвонил в пятницу вечером и поинтересовался все ли у нас в силе. Нервничает, бедненький! Неужто так понравилась? Прямо бальзам на мою придавленную гнетом обстоятельств женственность!

– Конечно, – ответила ему я и быстро записала на листочке время и место где он будет меня ждать.

В нашем провинциальном городке есть только одно нормальное место, куда можно позвать на свидание девушку: ресторан «Автограф». Именно там в моей компании и собрался провести вечер глава района.

Сначала было желание чисто из вредности натянуть старые джинсы, линялую футболку и в таком непрезентабельном виде отправиться к Луганскому. Интересно было бы поглядеть на вытянувшуюся физиономию Лося.

Но... чисто женское желание не портить первое за последние годы свидание победило. Иногда так хочется снова почувствовать себя красивой, желанной, ловить восхищенные взгляды! Не то чтобы в обычной жизни они не перепали, просто если ко мне и приставали мужчины, то, как привило, это было чисто потребительское желание быстро переспать и свалить. Таких я, как правило, отпугивала одним только заявлением, что я мама четверых детей, которая активно ищет им папу. Потребителей сдувало ветром со скоростью света, после чего оставался едкий смех и горечь разочарования.

Насчет Лося особых иллюзий не было. Он, собственно, также собирался переспать и свалить, но... Это было свидание. Самое настоящее. И поэтому зародившаяся в душе крошечная капелька симпатии заставила меня крепко призадуматься: а в чем же пойти?

Распахнула шкаф, пересматривая вещи.

Это однозначно должно было быть платье, но как назло на дачу я привезла только летние сарафаны, которые были очень удобны на работе, но совершенно не подходили для вечера в ресторане.

Значит, нужно было ехать на квартиру.

Задумчиво побарабанила по подбородку и решила, что

резонно провести выходные там. За детьми могли вполне присмотреть соседи, да и Данил уже не маленький. Не думаю, что буду долго с Лосем ужинать. А в воскресенье можно было бы пройтись по местным магазинам и прикупить мелким летней обуви.

Решено. Выходя из своей спальни в коридор, крикнула, чтобы все наверняка слышали:

– Дети! Дети! Собираемся на квартиру!

И в ответ – радостно-дикое в три голоса:

– Ура!!! Там интернет быстрый!

Господи, дай мне терпения! Как хорошо, что Настя не доросла до компьютерных игр!

Дети собрались в рекордные сроки. Похоже, их вечером ждали онлайн-игры, потому, что даже в машине было тихо, как в танке. Даже близнецы вели себя подозрительно спокойно. Когда я косилась на их смиренные моськи, у меня закрадывалась мысль, что все это неспроста. Но это так и осталось на уровне ощущений, потому что по приезде в квартиру меня сразу захватило множество дел.

Нужно было не только собраться, но еще и наготовить детям, помыть пол и смахнуть пыль, которая успела осесть на всех горизонтальных поверхностях, пока мы жили на даче.

К пяти вечера стало понятно, что нифига я не успеваю. Пришлось привлечь Данила к уборке.

– Почему я?! Нечестно заставлять детей работать! – возмущенно уставилось на меня это великовозрастное дитяtko,

но, узрев мой строгий взгляд, все же попелось за пылесосом и тряпкой.

Я проводила его ссутуленную, еле плетущуюся фигуру и помчалась к шкафу, где у меня в чехле висели платья, оставшиеся с «лучших времен».

У каждой женщины должно быть маленькое черное платье. Да?

У меня их было три. И не потому, что я фанатка всего маленького, просто мне, как и любой блондинке, очень идет черный цвет.

Критически осмотрела все три и, убрав два, оставила на диване свое самое любимое – из тонкого нежного трикотажа с глубоким вырезом- «лодочкой» и короткой облегающей юбкой. Помнится, в нем я ходила с Егором по крутым клубным тусовкам.

Быстро смоталась в душ, накрутила волосы, погладила платье, оделась, предварительно выгнав детей из спальни, и оценивающе покрутилась, с трудом балансируя на высоченной шпильке.

И ничего я не растолстела! Платье впору. Верх относительно скромн. Зато внизу шикарный вид на ноги.

– Ма-а-м, а чего это ты делаешь?

Дверь приоткрылась и из щели показалась лохматая голова Данила.

– Собираюсь.

– А куда?

– По делам.

– В таком виде?! – вытаращил глаза старший сын.

Хмуро посмотрела на него из-под накрашенных ресниц.

– В каком это «таком»?

Данил на секунду завис, не зная, как правильно подобрать слова, почесал затылок и выдал:

– Так словно свидание собралась?

С тихим вздохом закатила глаза. Как от него вообще можно что-то скрыть?

– Я быстро вернусь.

– Значит, все же на свидание, – тоном строгого отца заявил Данил.

– Это почти не свидание. Скорее, деловая встреча, – протараторила я, шустро двигая к двери. – Все, пока-пока! Я быстренько. Смотри за близнецами. Если что, звони.

Схватила сумочку и прежде, чем захлопнуть дверь, услышала голос Данила.

– Как же, деловая встреча у нее! – продолжал ревниво бурчать он. – Интересно, для кого тогда вырядилась так? – И уже близнецам: – Колитесь, пиявки, какие там возле нашей мамки мужики ошиваются?!

Я спускалась по лестнице, звонко цокая каблуками, и думала:

«Какая личная жизнь?! Они любого мужика сожрут, только он переступит порог нашего дома»

Царь.

Всю неделю, предвкушая встречу со сладкой Зайкой, Луганский трудился не покладая рук, до черных точек перед глазами, так, что еле ноги домой притаскивал.

В холодильник заглянет, а таммышь повесилась.

Даже похудел немного.

Для чего, спрашивается, так насилловать организм?

Так приводить в порядок нужно то, что его заместитель Олежек старательно разрушил, растратил и испортил.

Жалоба Алены открыла главе района глаза на то, что ни хрена он не Царь, а тупой валенок и размазня, раз позволил себе настолько забросить дела и дать этой жадной ленивой сволочи Еременко развалить все то, что он налаживал непосильным трудом.

Вот правду говорят: все зло от женщин.

Поправочка: на симпатичных заек с бездонными глазами это правило не действует.

Сказать, что Луганский переживал после развода с Людой, значит, не сказать ничего. Сначала кровь попила сама супруга, пока они судились за совместно нажитое имущество. Казалось бы, какое имущество? Люда никогда не работала. Сидела дома, как и полагается супруге сначала бизнесмена, а потом высокопоставленного чиновника, и варила борщи, жарила котлеты и всячески ублажала супруга. В последнем, кстати, Люде не было равных.

Любил ее?

Любил... чего уж там.

Изменял?

Было пару раз, по молодости. Но после последнего примирения и не смотрел на других баб. Потому обиднее втройне.

В их браке было всего две проблемы. Первая – катастрофическая занятость Луганского. Когда в колхозе начинал, пропадал и днём и ночью. Придешь домой, уставший, как собака, а жена встречает хмурым взглядом и претензиями, типа «ты меня не любишь». Вторая проблема – отсутствие детей. Как и любой женщине, Люде хотелось стать матерью. Не сказать, что Вася горел желанием стать отцом, но и против не был. Но не получалось.

Сколько Люда ни ходила по самым именитым врачам, сколько ни лечилась, те разводили руками и не видели причин, отчего молодая здоровая женщина не может зачать. В итоге выходило, что проблема не в ней, а в Васе. И он, скрипя зубами, пошел в больницу. Были определенные проблемы, связанные с возрастом, неправильным образом жизни, и все это можно было бы исправить, прояви Вася хоть чуточку терпения и самодисциплины, но Люда закусила удила и подала на развод.

И Вася запил, загулял, забросил работу.

А теперь усердно разгребает плоды своего загула.

Первым делом Вася вызвал на ковер Олега и попросил отчитаться за ремонт нового помещения для школы творчества.

Прилетела срочно вызванная Алла Стефановна со всеми раскладками, сметами и снова попыталась запудрить мозги главе своим излюбленным способом.

В итоге Царь психанул и уволил стерву к чертовой матери, за что на следующий день получил от уборщицы Марии Петровны благодарственную в виде целого тазика с пирожками. Видно, не его одного эта гарпия достала.

Хотел еще Олега уволить, но не решился: связи у подлеца хорошие! Везде пролезть успел. Поэтому с увольнением Вася решил повременить, но наказать гада нужно было.

Съездили они на объект с проверенными Луганским строителями. Те оценили проделанную работу, составили человеческие сметы и Царь, вооруженный доказательствами, вызвал зама и заявил ему:

– Деньги ты украл? Украл. А теперь будешь возвращать обратно. Нанимаешь за свой счет бригаду и делаешь все по изначальному проекту. И смотри, каждый день буду приезжать и проверять качество работ. Не дай Бог, опять обманешь! Будешь до конца дней дворником работать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.